

**Олег
Колмаков**

**ЗЛОВЕЩИЕ
ЗАБАВЫ
СЛАВЯНСКОГО
БОГА**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Колмаков

**Зловещие забавы
славянского бога**

«Автор»

2018

Колмаков О.

Зловещие забавы славянского бога / О. Колмаков — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-06998-5

Мистика, реальный и вымышленный мир, прошлое и будущее — всем этим управляет древнеславянский божок, которому раз в год позволено абсолютно всё. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06998-5

© Колмаков О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1991 год	5
Ночь с 9 на 10 июля 1991 года.	5
10 июля 1991 года. Ночь	17
10 июля 1991 года	26
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Колмаков

Зловещие забавы славянского бога

1991 год

Ночь с 9 на 10 июля 1991 года.

Юрий Александрович Громов вовсе не знал, что нынче он увидит свой последний сон.

Громов проснулся среди ночи, в тот самый момент, когда кукушка настенных часов, висевших в коридоре, только-только «откуковала» положенные ей три раза. Сердце сжимала неизвестная доселе боль. Держась рукой за правую сторону груди, мужчина тихо вышел на кухню. Прикрыв за собой дверь, Юрий Александрович настежь отворил одну из больших оконных створок. В лицо пахнуло прохладой и сердце Громова, как будто бы, немного отпустило.

Там, за кухонным окном, в темноте улицы стрекотали сверчки, а со стороны железнодорожного вокзала, доносился шум уходящего вдаль поезда. Ночная тишина и дуновение лёгкого ветерка были гораздо эффективней любого медицинского успокоительного средства.

Не включая свет, Юрий Александрович нащупал на подоконнике пачку сигарет и спички. Присел на табурет. Закурил.

Сейчас ему очень хотелось, хоть с кем-то поделиться своими впечатлениями, оставшимися от приснившегося, чрезвычайно реалистичного, а потому и пугающего кошмара.

Привиделось Громову, будто бы стоит он в длиннющей очереди за разливным пивом...

Люди постарше, наверняка припомнят лихие времена конца восьмидесятых – начала девяностых. То был период сухого, горбачёвского закона, когда водка отпускалась исключительно по талонам (точнее, в магазинах её вовсе не было), а очередь за пивом приходилось занимать с предыдущего вечера. Чуть позже, на смену периода алкогольных мафий, придёт эра финансовых пирамид, рэкета, Лёни Голубкова, спирта «Роял», телевизионных сеансов Кашпировского и сумасшедшего роста цен. Однако всё это, ещё впереди. Ну, а пока, Юрий Александрович вдруг увидел себя, стоящего в очереди за пивом с бестолковой толкотнёй, матерными и недовольными ругательствами.

Вереница хмурых мужиков с опухшими тёмно-красными лицами двигалась очень медленно. И всё же, сантиметр за сантиметром, Громов приближался к заветному окошку.

Предчувствуя разрешение своих долгих утомительных ожиданий, Юрий Александрович уже начал понемногу суетиться: пересчитывать зажатые в потной ладони деньги; заранее доставать и открывать, припасённую для данного случая десятилитровую фляжку. Тут-то он вдруг услышал очень знакомый (будто из своего прошлого) окрик: «Юрка, помоги!». Оглядывается наш герой на тот самый голос и видит Виктора, своего друга и земляка, с которым восемнадцать лет назад он служил на погранзаставе и который погиб в одном из злополучных ночных дозоров.

Витька, как и прежде молодой, одетый в армейскую форму восьмидесятых годов, отчаянно отбивался от свары пьяных отморожков. Эти семнадцать – восемнадцатилетнее хулиганы, ныне набросившееся на Юркиного сослуживца, частенько отирались возле данной стационарной точки розлива пива. Да, чего там, отирались... Они «крутились» тут постоянно; вымогали деньги у мирных граждан и жестоко расправлялись с теми, кто им в этом отказывал.

Увы, но таковы были порядки в рабочем посёлке, некогда преуспевающего, а ныне бедствующего крупного металлургического предприятия; такова была суровая правда жизни. Воспитанная улицей и предоставленная сама себе, безработная молодёжь постепенно спивалась, нагнала и, вот таким, примитивным способом пыталась выжить и утвердиться в посёлке.

Пьяная группа озлобленных юнцов уж успела в кровь разбить Виктору нос и порвать армейский китель. Юрий, бросившийся было на помощь туда, в самую гущу событий, тотчас осёкся. Подошла его очередь, потому и не сдвинулся он с места. Право, не мог же он, вот так запросто, бросить то, ради чего он отстоял под палящим летним солнцем битых шесть часов. Выкрикнув: «Витёк, обожди!.. Я сейчас!..» – Громов скоренько сунул свою тару в чёрное окно непреступной пивной «амбразуры».

Уже через минуту холодная фляжка, с поднявшейся к самой горловине пеной вернулась в руки Юрия Александровича. Захлопнув крышку и перепрыгнув через бордюр, он незамедлительно ринулся к товарищу. Да только тот, к которому так спешил Юрий Александрович уже лежал недвижимый в серо-красном месиве крови и пыли, лицом вниз, раскинув руки в стороны.

Громов растерянно присел на землю, опустившись над бесчувственным телом друга.

– Ты что, Витюха?.. – он развернул на себя товарища. Однако, вместо знакомого с юности лица, Громов в ужасе увидел истлевший череп, сквозь чёрные зубы которого послышался некий укор, дескать: Юрка, как ты живёшь? В ту же секунду тело Виктора превратилось в лёгкий пепел, ссыпавшийся сквозь пальцы Юрия Александровича на землю.

«Бессмысленное, а потому и дурное видение!.. – усмехнулся про себя Громов. – ... Вот интересно: к чему оно? К чему может присниться, подобная хрень?»

Пока Громов о чём-то задумавшись, смотрел вдаль, его сигарета успела истлеть наполовину. Впрочем, в чём мог упрекнуть его армейский товарищ? Жил Юрий Александрович как все живут. Как обычный, среднестатистический обыватель. Отслужил в армии, устроился на завод, женился. Двое детей, своя квартира. Куда не кинь, повсюду, ну, самая рядовая, рабочая биография. Да, и на родном предприятии (пусть, и держался он несколько обособленно от остального трудового коллектива) Громов непременно пользовался доверием и уважением. Даже учеников ему, помнится, поручали. Особо не выделялся, с какими-либо претензиями и инициативами на рожон не лез, как и среди отстающих никогда не значился. Юрий Александрович старался быть малозаметным, простым рабочим муравьём в бурлящем муравейнике завода.

Тем не менее, увидев во сне друга, какие-то непонятные, скорее тяжёлые мысли и воспоминания, в одночасье навалились на Громова. Возможно, Юрий Александрович вспомнил, что восемнадцать лет назад, Виктор, сражённый пулей нарушителей государственной границы и фактически скончавшийся на его руках, просил Юрку обязательно зайти к его матери и невесте. Рассказать им, как погиб их сын и жених. О том, что не струсил он в роковую минуту, ни смалодушничал. А так же о том, что ближе и роднее, этих дорогих ему женщин, у него никого и никогда не было.

Однако «гражданка» так закрутила молодого Громова, что не до скорбных ему было визитов. А после, как-то всё само собой и позабылось. Да и какой был смысл, спустя год или того более, приходить к чужим ему людям, и вновь бередить память не самыми приятными армейскими воспоминаниями.

Не вставая с табурета, Юрий Александрович открыл холодильник, достал с верхней полки запотевшую бутылку пива и прямо из горлышка, двумя глубокими глотками опорожнил её до самого дна. Обтерев мокрые губы, попытался раскурить уже потухшую сигарету. Но после нескольких «холостых» затяжек, бросил окурки в пепельницу. После чего, тяжело вздохнув, покинул кухню – перед грядущим рабочим днём, требовался нормальный отдых.

– Ты чего?.. – проснулась Лариса, супруга Громова, когда тот вернулся в спальню.
– Да так, ничего. Выходил покурить... – забираясь под лёгкое покрывало, шёпотом ответил ей муж.

Около четырёх часов утра, сердце Громова внезапно остановилось...

* * *

Такого знойного и невыносимого лета не могли припомнить даже выдавшие всякое местные старожилы. Ну, а данная ночь оказалась наиболее жаркой и предельно душной.

Мужчина, постояв какое-то время на безлюдном станционном перроне, вытер со лба испарину и, ковыляя на левую ногу, прошёл в помещение вокзала.

Выглядел тот мужичок чрезвычайно скверно. Одет он был в разодранные, давно не стиранные брюки и очень грязный, протёртый до дыр пиджачок, накинутый на его голое тело. К данному не самому лицеприятному портрету стоит, пожалуй, добавить и выдавшие виды сандалии, найденные на прошлой неделе в одном из мусорных баков; небритое лицо и воспалившиеся веки. Мужчина не мылся в течение последних нескольких недель, потому и источал он вокруг себя невыносимый «аромат» мочи, помойки и какой-то блевотины. Подобное, антисоциальное явление, в народе именуется простым и лаконичным словом: бомж.

В обязательном порядке следует сказать ещё и о том, что привокзальное отрепье в своём подавляющем большинстве ведёт весьма сплочённый и воинственный образ жизни. «Вокзальные» в некотором роде, это особая (отчасти привилегированная) каста, среди прочего бездомного сброда. Чужаков, случайно просочившихся на их территорию, здесь не то, что не признают, а воспринимают как злейших врагов и конкурентов, потому и встречают их во все оружие. Ведь вокзал для нищевродов, это некий сытый оазис на огромной карте города. Он так же весьма удобен и в «стратегическом» плане. Зимой здесь можно обогреться; переночевать и подкормиться в любое время суток. Тут всегда многолюдно, а значит, есть реальная возможность затеряться в толпе, выпросить милостыню, в конце концов, собрать стеклотару или остатки еды, оставленную отбывающими пассажирами.

На вокзале, как впрочем, и в любом ином месте, опустившиеся субъекты вынуждены соблюдать если не правила, то некие порядки. Кроме того, «законы джунглей» обязывают их совмещать, казалось бы, несовместимое. А именно: выживать в одиночку, используя любые подручные средства (вплоть, до убийства себе подобных) и одновременно, подчиняться правилам стаи, в которую они ныне вовлечены.

Что же касается внешних угроз, то основная опасность для бомжей исходит от сотрудников правоохранительных органов. Нет-нет, куда-либо их не забирают, не садят в тюрьму. Ну, там, за тунеядство или бродяжничество. Нищевроды для «ментов» – вообще, бесперспективны. Взять с них нечего, а воняет от бомжей, как от городской канализации. В лучшем случае, бродяг прогоняют из служебных помещений; в худшем, вывозят в иной район, куда-нибудь на окраину. Бьют чем не попадая: ногами, дубинками или какой-нибудь арматурой, после чего, оставляют там же, зализывать раны. Через некоторое время, те самые попрошайки, вывезенные за город, вновь возвращаются на привокзальную площадь – ведь здесь всегда тепло, сытно и уютно.

Вот и наш «герой», только-только проследовавший в помещение железнодорожного вокзала, как и его прочие «коллеги» по бродяжьему промыслу, живёт одним днём, случайным прикормом, либо единовременной подачкой. Кстати, у него есть имя. Нищевроды зовут его Васьком, Хромым, либо просто Угрюмым. Этот самый Васёк, бомж со стажем.

Таковым Угрюмым, конечно же, не родился. Когда-то, очень давно, и у него был свой дом, семья, работа. В общем, всё то необходимое, что подпадает под определение «жизнь в достатке». Однако после нелепейшей случайности, приключившейся с семьёй Василия, та нор-

мальная, человеческая жизнь, о которой ранее шла речь, вдруг покатила под откос, рассыпавшись на мелкие кусочки.

От завода, на котором ранее работал Угрюмов, нарезались земельные участки под будущий дачный посёлок. Не сказать, чтоб Василия уж слишком тянуло к земле. Скорее напротив, вырвавшись по молодости из родной деревни, он, без какого-либо сожаления, предпочёл городской быт агропромышленному хозяйству. Однако в те годы дачный загородный домик, в некотором роде, являлся символом достатка и обеспеченности. При этом прихвастнуть перед друзьями, а так же потешить своё самолюбие, Угрюмов любил и делал он это при любом удобном случае.

В один из воскресных весенних дней, Василий Иванович с женой Людмилой отправился на своём трудяге «Москвиче» посмотреть место, где через год-другой обязательно будет возведён двухэтажный коттедж. Да-да, ни лёгкий временный домик, а именно капитальное, двухъярусное строение. Ведь именно так решил глава семейства, уж успевший договориться, как по поводу ворованного кирпича, так и цемента.

К сожалению, судьба распорядилась несколько иначе. Своего перспективного дачного участка супруги Угрюмовы так и не увидели. Грузёный навозом ЗИЛ, принадлежащий пригородному совхозу, с пьяным водителем за рулём, внезапно выскочив на полосу встречного движения, на полном ходу влетел в автомобиль Василия Ивановича.

Жену Людмилу похоронили через три дня, когда Василий всё ещё прибывал в реанимационном отделении, в бессознательном состоянии.

Именно с этого самого момента и завершилось «благополучие» Угрюмова.

Беда, как известно, не приходит одна. После шести месяцев больничной койки, Василию Ивановичу была назначена вторая группа инвалидности. Не прошло и пары недель, как наш герой потерял работу. Сами понимаете: во времена глобальных перемен (кои начались в стране в конце восьмидесятых годов), немощных и убогих особо не жаловали. Сразу после похорон супруги, тёща забрала детей в деревню. С тех самых пор, Угрюмов их так ни разу и не видел.

Не жил, а скорее существовал. Причём в рамках своего прошлого, своих воспоминаний о былом. Как-то быстро и совсем незаметно Василий пристрастился к «зелёному змею». За каких-то полгода он пропил практически всё, что было в доме, что кропотливо наживал в течение многих лет своей семейной жизни. Постепенно, его дом превратился в притон для поселковой алкашни. Ну, а на следующий год, во время январских праздников и студёных морозов, единственное недвижимое имущество Угрюмова «благополучно» сгорело дотла.

Так Василий Иванович оказался на улице, а потом и на вокзале. Вернуться в деревню к родителям или перебраться к тёще поближе к детям, ему было совестно. Несколько раз пытался свести счёты с жизнью. И каждый раз, завершить начатое, он так и не сумел. То ли смелости ему не хватило, то ли силы воли.

Много воды утекло с того самого злополучного воскресенья. Василий так успел привыкнуть к своему новому образу бытия, что ему уже начинало казаться, будто бы всю свою осознанную жизнь он провёл именно здесь, среди поездов, пассажиров и провожающих. О своём же прошлом, Угрюмов вспоминал, не иначе, как о грустном сюжете из давным-давно увиденного кинофильма.

Сегодняшний день оказался для Васьки, весьма и весьма удачен – он нашёл, оброненный кем-то кошелёк. Фортуна ему просто благоволила – тот самый кошелёк оказался вовсе не пуст. Мало того, что к вечеру Угрюмый был, не только сыт и пьян, так ещё и за пазухой у него позвякивали две полные бутылки дешёвого самогона.

В данное время суток (сразу после полуночи), «менты» обычно отдыхали и бродяг особо не беспокоили. Потому, проследовав в зал ожидания, Василий и ощущал себя настоящим «королём паркета». Осмотревшись и вновь смахнув капли пота с подбородка, своим полупья-

ным взглядом Угрюмов скоренько отыскал того, кого, собственно, он и собирался здесь найти. То есть, Синюгу, ныне притаившуюся в самом углу зала ожидания.

Синюгой величали грузную, оплывшую избыточным жиром женщину-бродяжку. Она частенько заглядывала на вокзал. Однако признанной местными бомжами за «свою» она так и не стала. Поначалу, Синюгу бесцеремонно изгоняли с привокзальных территорий. Её отлавливали, били и пинали на подходе к вокзалу. Ну, а после... То ли из жалости; то ли оттого, что она всё ж таки женщина, вокзальные бичи перестали обращать на Синюгу своё внимание.

В любую погоду и любое время года (как, собственно, и сейчас) Синюга была непременно одета в зимнее, ядовито-зелёного цвета пальто, из которого: то там, то тут торчала вата внутреннего подклада. Как и всегда, на женщине-бродяжке были утеплённые штаны; пара-тройка кофт, одетых одна на другую; а так же, армейские кирзовые сапоги. Весь свой скарб, состоящий из нескольких огромных и замусоленных сумок, доверху набитых всякой дрянью, собранной из урн и помойных баков, она неизменно таскала с собой.

Её настоящего имени, никто не знал. Да она и сама, похоже, давно и основательно его подзабыла. Что же касаясь прозвища: Синюга... Получила она его, за не сходящие с её лица синяки и побои, как результат ежедневных «разборок» с бомжами-конкурентами и сотрудниками правоохранительных органов в борьбе за место под солнцем. Её действительный возраст, так же оставался для окружающих под покровом тайны. А может и не тайны, а под приличным слоем несмываемой и въевшейся грязи. С равновероятным успехом, Синюге можно было дать: как тридцать, так и семьдесят лет.

Заприметив Синюгу, Угрюмый тотчас заковылял в её сторону.

«Ну, а почему, собственно, и не провести нынешнюю ночь с дамой?» – размышлял в ту минуту Василий.

Нет, о каком-либо интиме, сейчас не могло быть и речи. Этот природный инстинкт, вместе с иными желаниями подобного рода, у нашего героя давно атрофировались, словно ненужные организму атавизмы. В данном случае, подразумевалось разнообразие в выборе собутыльников.

Как ранее упоминалось, вокруг бродяжки находилось несколько тюков с тряпьем, какими-то гнилыми яблоками, пустыми бутылками и прочей дребеденью, от вида которой нормального человека могло и стошнить. Отодвинув одну из таких авосек, Василий подсел рядом с бомжихой.

– Знаешь?.. Когда я вошёл в зал, сразу понял, что ты и есть моя судьба!.. – сходу заговорил Угрюмый. Сейчас, под парами выпитого ранее алкогольного суррогата, даже Синюга не казалась Василию, такой уж и страшной. – ...Возможно, это и есть некое провидение, та самая любовь с первого взгляда!..

Поначалу, Синюга с подозрением покосилась на незваного собеседника. Подсевший обрванец был ей как будто бы знаком. Причём, исключительно с негативной стороны. Однажды, он жестоко её избил за поднятую с пола мелочь. Потому, предчувствуя очередной мордобой, бродяжка с опаской придвинула к себе сумки. Но после того как Угрюмый распахнув пиджак, показал ей торчащий из-за брюк бутыль с мутной жидкостью, разулыбалась во весь свой беззубый рот.

– Да и ты мне, вроде!.. Уж давно приглянулся!.. – как бы смущаясь, она придвинулась к Ваську и всем своим видом показала, что нынче она готова практически на всё.

Молодые люди, сидевшие чуть поодаль и с самого начала наблюдавшие за весьма необычной встречей двух одиночек, тихо засмеялись. Когда эти ребята ещё и стали невольными свидетелями чрезвычайно «романтичного» объяснения в любви, то рассмеялись они уже в полный голос.

– Пойдём-ка отсюда, дорогая!.. – подхватив с пола пару увесистых тюков, предложил Василий. – ...Терпеть не могу свиней и хамов, готовых опошлить самое святое!..

Источая вокруг себя нечистотный дух, парочка бичей покинула зал ожидания, вышла на перрон и медленно поплелась в сторону небольшой тёмной рощицы, притаившейся меж железнодорожных путей.

– Душноовато сегодня!.. – подметила Синюга, расстёгивая верхнюю пуговицу своего зимнего пальто.

– Да уж. Не меньше тридцати семи градусов!.. К тому же, ни малейшего намёка на маломальски ветерок!.. – ответил вспотевший бомж и указал на импровизированную «обеденную зону», сложенную из старых деревянных ящиков. – ...Прошу к столу!

По первому стакану выпили молча, разговор как-то совсем уж не складывался. Когда же самогон ударил в голову, Василия словно прорвало.

– Эх, Синюга-Синюга!.. Если ты считаешь, что я вот так, всю свою жизнь бродяжил, да побирался, то ты жестоко ошибаешься!.. Как-нибудь я отвезу тебя в Москву, покажу столицу!.. Увидишь, какой у меня шикарный дом! Двухэтажный коттедж в центре города. Внутри всё в коврах, в хрустале, в мраморе. В гараже новенькая «Волга»!..

Договорить, точнее домечтать, он так и не успел. Его перебила бродяжка.

– Тогда почему ты кормишься из помоек? – искренне изумилась она.

– Сложная история! Если в двух словах, то я поссорился с женой. Знала б ты, какая она у меня стерва. Да собственно, это я её разбаловал. Каждый день с цветами, с подарками. А ей всё мало. Вот и пришлось хлопнуть дверь. Наверняка, ждёт сейчас, переживает... А я из принципа не вернусь... – тут сообразив, что слегка переборщил, Угрюмов осёкся и продолжил менее эмоционально. – ...Да приеду, конечно, приеду! Куда же я денусь. Ещё немного поброжу по бескрайним российским просторам и обязательно вернусь. Ни то колёса у «Волги» заржавеют.

– Везёт тебе!.. – тяжело вздохнула Синюга. В отличие от Василия, подвыпившая бродяжка ударилась в меланхолию. – ...Тебе есть, куда вернуться.

– Конечно! Уж кто-кто, а я успел позаботиться о своей старости!.. – Угрюмый перешёл на очень громкую речь. – ...А как иначе? Ведь целым танковым полком в своё время командовал.

Это когда в ногу меня ранили, тогда и списали меня в запас... Ты сама посуди, ну какой я домосед, если всю свою сознательную жизнь по дивизиям и гарнизонам мотался? У меня и танк свой был...

– А дети? – прищурилась Синюга.

– Какие дети?.. Причём тут дети?..

– Дети, спрашиваю, есть?

– Ах, дети!.. Конечно: имеются! Двое... Нет, трое. Только они уже взрослые. Старшему!.. – на пару секунд Василий призадумался. – ...Кажись, семнадцать... Точно, семнадцать! В армию, скоро пойдёт. Собираюсь определить его в авиацию. Пусть летает!

– Ещё немного и лето кончиться! Вновь наступит зима!.. – в очередной раз, тяжело вздохнула бомжиха. – ...А я и не знаю, куда податься. Надоело мне по теплотрассам и колодцам ночевать. Непутёвая я... Мужа из армии не дождалась. Молодость прогуляла, ребёнка в детдом сдала и осталась одна одинёшенька... Ни кола, ни двора. В общем, голь перекатная. Эх, кабы начать сейчас, всё с самого начала!..

– Не переживай, подруга. Найдём мы и тебе счастье... – Вася попытался успокоить Синюгу.

– А какое оно, это самое счастье? И вообще, есть ли оно?

– Конечно, есть! Оно, не может, не есть!.. – не к месту пошутил Угрюмый.

– Рассказал бы. Как оно хоть выглядит?

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!.. – усмехнулся в ответ Васёк. – ...Если хочешь, то прямо сейчас мы встанем на рельсы и пойдём по шпалам навстречу своей судьбе.

– Боязно!.. – чуть поёжившись, ответила бродяжка.

– Прекращай! Ведь ты пойдёшь не одна. С тобой будет настоящий мужчина. По скорому допъём пузырь и сразу двинем... – Василий передал стакан собеседнице. – ...Держи, горемычная. Вмажь, и более не переживай!.. Даже не сомневайся, найдём мы своё счастье.

– В Москву, что ли, отправимся?

– А то, куда же? Только там, в столице нашей Родины все мечты и сбываются. Уж поверь мне, старому прожённому вояке.

– И далеко, до неё?

– Да нет. Денька за два доберёмся. Если спать не будем.

– Не-е!.. – замотала головой Синюга. – ...Без отдыха я не смогу!

– Устанешь, так заночуем! Подумаешь, чуть задержимся. Своё счастье ты искала годы, а тут, каких-то пять-шесть дней. Уж как-нибудь перекантуемся...

* * *

Хоть и прожил Сашка совсем немного, каких-то двадцать лет, однако повидать за эти годы он успел всякое. Пережил и перетерпел парень действительно много. Тем не менее, так тоскливо, как нынешней ночью, на его душе ещё никогда не было.

С самого детства Саня мечтал быть военным. Свою жизненную цель стать офицером, он поставил перед собой ещё в школе, после того как потерял обеих своих родителей и, вместе с младшей сестрой, остался на бабушкином попечении. Окончив СПТУ, пытался поступить в танковое училище, но «провалился» на первом же экзамене, «на этом чёртовом сочинении».

Справедливости ради следует отметить, что, не поступив в «военку», наш Санёк особо не отчаялся. «Подумаешь!.. Не вышло в этот раз, получится в следующий!..»

Осенью его призвали на срочную службу. Поступать в военное училище Александр решил в следующем году, используя льготы предоставленные военнослужащим, проходящим военную службу. Романтика армейской службы продолжала манить юношу, не давая ему покоя.

От природы Сашка был физически крепок, вынослив и высок ростом. Потому и попал он в ВДВ – подобные качества в десантуре всегда были в цене. Ну, а после «учебки», парень очутился на Афгано-таджикской границе.

Та граница, скажу я вам, в начале девяностых прошлого века – это, вообще, особая тема.

Ощущением скорого развала Советского Союза, в этой, некогда дружественной республике было пропитано буквально всё. Те же самые настроения присутствовали и в войсках, дислоцированных на территории Таджикистана. Предчувствуя не самые радужные перспективы, связанные с неминуемым масштабным сокращением, а так же лишённая центрального управления армия, по сути, брошенная на произвол судьбы, медленно деградировала. Пьянство и воровство в среде офицеров стало, если не нормой, то уж точно, вполне нормальной обыденностью. Само понятие «офицерская честь» перестало иметь какой-либо смысл. Глупые и необдуманные приказы, за которые никто не нёс личной ответственности, отдавались практически ежедневно. Данным разбродом и шатанием, вовсе не преминули воспользоваться бандитствующие формирования с территории сопредельного государств.

Вывод советских войск с территории Афганистана был завершён более двух лет назад. На границе через реку Пянь воцарилось определённое спокойствие. Однако на смену воинствующих по идейным соображениям моджахедов, пришёл не менее жестокий и изощрённый враг – наркокартель, переправлявший на территорию Таджикистана сотни килограмм отборного героина, который и расползался по бескрайним просторам Союза.

Именно здесь юношеские иллюзии по поводу идеализации профессии военного, у Сашки начали постепенно таять. Увидев изнанку армейской реальности, он уже не хотел куда-либо поступать. Желание было лишь одно: побыстрее выбраться из этой «жопы» и поскорей вернуться домой.

Ещё вчера Сашкина рота вступила в неравный бой с фактически регулярной армией афганского наркосиндиката, пытавшегося переправить через границу караван смертоносного порошка. А уже сегодня, от этой самой роты остался лишь взвод, без офицерского командования, да ещё и плотно зажатый в горном ущелье. На помощь двум десяткам, оставшимся в живых солдат, особо никто не спешил. Нафиг надо было кому-то подставлять свою голову под пули и отдавать жизнь, фактически ни за что. «Не смогли, по-доброму, договориться с боевиками, сами ввязались в эту отчаянную и бессмысленную бойню – вот пусть сами из неё и выпутываются!..»

Тем временем, караван с азиатской «дурью», благополучно и беспрепятственно миновал границу, ушёл вглубь содружества. Час-другой и боевики, сопровождавшие груз, вернуться назад. Они просто-напросто закидают ущелье гранатами, и пиши, пропало.

Кто б только знал, как не хотелось Александру погибать. И главное, за что он вообще, должен отдать свою жизнь? За Союз, который вот-вот развалиться? За таджиков? За командиров, которым вообще по хрен на солдат, застрявших в ущелье? Погибать сейчас, когда до долгожданного «дембеля» оставались считанные месяцы и все его мысли уже начинали витать далеко на «гражданке»: с водкой, друзьями и порочными девицами. Однако и стусеваться, схалтивать, прикрыться спинами сослуживцев, не говоря уже о добровольной сдаче в плен, Александр так же был не в праве. Как-то не по-пацански.

– Саня, тебе не кажется, что пора бы нам что-то предпринять!.. – то, о чём так тягостно и долго размышлял сейчас Александр, вдруг запросто озвучил рядовой Чернышев, по прозвищу Чёрт. – ...Из оставшихся ребят, ты самый старший по званию! Тебе, сержант, и рулить!.. Тебе, и карты в руки! Ребята устали ждать грамотного, командирского решения!.. С наступлением темноты, как пить дать, перережут нас словно ягнят. Или, того хуже, живьём сжарят. Давай-ка, Санёк, мы подумаем: как нам, с наименьшими потерями выбраться из этого гребенного каменного мешка?

Кличку Чёрт Чернышев получил не только как производную от своей фамилии. Что-то в нём было этакое, благодаря чему он непременно попадал в какие-то невероятные переделки. В общем, тот ещё раздолбай.

Если не считать Александра, то единственным «старослужащим» из остатков роты, как раз и являлся Андрей Чернышев. Более того, он был ещё и на год старше сержанта. Тем не менее, выше «рядового», из-за своих постоянных «залётов», в армейском «табеле о рангах» Андрей никогда не поднимался. Впрочем, он и сам не особо к этому стремился. Сашку, вообще, удивляло: как этот парень, до сих пор, не попал в тюрьму или дисбат.

Любому командиру, любому старшему по званию или должности, тяжело иметь в своём подчинении неформального лидера, беспрекословного авторитета, коим и являлся в подразделении Чернышев. Ох, и намучился Сашка с этим Чёртом. Ведь приказы и распоряжения сержанта, не редко исполнялись бойцами, лишь после их одобрения рядовым Чернышевым.

И вот, кажется, настал для Александра тот самый час, когда Андрей потерял свойственный ему кураж и, похоже, был сейчас несколько растерян. Подобным благоприятным для сержанта случаем, грех было бы не воспользоваться.

– Мужики!.. – совсем уж по-товарищески обратился Сашка к собравшимся вокруг него солдатам. – ...Я думаю, никто не станет спорить с тем, что мы по уши в дерьме!.. Для прорыва, у нас слишком мало сил. Двадцать военнослужащих – это вам ни армия, и даже не рота. К тому же, среди нас есть раненые. Ждать помощи, так же бессмысленно... В общем, как старший по званию, я принимаю следующее решение. Здесь останется лишь пара бойцов. С наступлением темноты, они должны стянуть на себя большую часть сил противника. Остальные попытаются спуститься по верёвкам вниз. С первыми выстрелами они двинутся вдоль обрыва, по правому склону к своим.

Если нет возражений, то здесь остаюсь я и ещё кто-то. По его собственному желанию.

– Сержант, можешь рассчитывать на меня!.. – тотчас выкрикнул один из военнослужащих.

Тотчас его примеру, последовали и остальные солдаты.

– Я, тоже останусь!.. И я!.. Я так же не подведу!.. Сержант, ведь ты меня знаешь!.. – наперебой, заголосили солдаты.

– Стоп! Всем тихо!.. – рявкнул Александр. – ... Что за балаган? Повторяю ещё раз: здесь остаются лишь двое!..

– Тогда, давай бросим жребий! – вновь предложил кто-то.

– Согласен! И ты, сержант, будешь участвовать в той «лотереи», на равных со всеми!.. – оживился Чернышев. В его руках уже был коробок спичек. – ... Жуть, как люблю я «русскую рулетку»!

– Обожди ты со своим жребием!.. – возмутился сержант. – ... Быть может, кто-то и вовсе не имеет желания подставляться под пули!

– Да кто ж его будет спрашивать?.. – игнорируя возражения старшего по званию, Чернышев продолжал возиться со спичками. – ... Мы в армии, или как?.. Не знаешь – научим; не хочешь – заставим!..

– Раненые, в любом случае, уйдут!.. – Сашка всё же попытался оставить за собой последнее слово. – ... И хорош пререкаться со старшими.

– Да какой ты, на хер, «старший»?.. – усмехнулся Чёрт. Он быстро пришёл в себя и уже вновь был на коне. – ... «Мужики, я тут, принял решение...» – писклявым голосом Андрей передразнил сержанта. – ... Ты бы, Саня, ещё заплакал!.. Нет, чтоб гаркнуть командирским голосом. Дескать, встать, отжаться!.. Ты, засранец; и ты, обсос – здесь останетесь! Будете прикрывать наши задницы! Остальные, мелкими перебежками за мной!.. Короче, вот восемнадцать спичек. Так уж и быть, раненых мы отпустим...

Вмешаться или каким-то иным способом попытаться повлиять на дальнейшее развитие ситуации, Александр был не в состоянии. В который уже раз, невероятным и в то же время наглым образом, рядовой Чернышев вырвал из его рук бразды командования. Сержанту оставалось лишь наблюдать да, наравне с остальными солдатами уповать на «слепую волю» жребия.

«Впрочем, кто его знает!.. Быть может, этот самый Чёрт, именно сейчас и спасает мне жизнь!.. – совсем уж неожиданная мысль вдруг мелькнула в голове Сашки. – ... Возможно, до гробовой доски я буду вспоминать его самым добрым словом!..»

Тем временем, Андрей отвернулся. Закрывая своими телом руки, он быстренько перетасовал «колоду» спичек. А затем резко развернулся к военнослужащим, протягивая перед собой пучок спичечных головок.

– Ну, смертнички, начнём что ли? Игорёха, будешь первым!.. – Чернышев обратился к ближайшему от него солдатику. – ... Тяни! Длинная... Везучий ты, Маслов! Теперь ты, Иван!.. Длинная. Тоже, счастливчик!.. Славка! Длинная... Поздравляю!.. Вован, теперь ты!..

Беспрекословно подчиняясь Андрею, молодые люди по очереди тянули свою судьбу. О чём думал каждый из них в тот роковой момент; о чём молил Бога; что переживал – оставалось лишь догадываться. Однако поводов для грусти, ни у кого из участвующих в жребии пока что не было. Сегодня им сопутствовала удача.

Наконец, очередь дошла и до сержанта.

– Санёк, тебе тянуть! – Чёрт, по-дружески, подмигнул старшему.

Слегка прищурившись, Александр выдернул-таки из рук Андрея свою спичку.

– Короткая!.. – огласил «приговор» Чернышев. – ... Вот видишь! А ты, Саня, волновался. Поехали дальше... Костя! Длинная... Миха!..

Пока разыгрывалась судьба второй путёвки в никуда, Александр отошёл чуть в сторону. Он был сам ни свой. Судорожно мусоля в своих руках обломок спички, с каменным лицом сержант молча размышлял о своём.

«Ну, почему я такой невезучий? Не повезло с родителями, потом провалился в училище. Теперь эта спичка. Почему, если что-то плохое, обязательно мне? Эх, и зачем только Чернышев-паскуда затеял этот злосчастный жребий? Ведь я, в общем-то, уже настроился на то, что останусь, приму бой, смирился. И тут, на тебе – шанс! А после, как помойной тряпкой по харе. Дескать, умойся!..»

Меж тем солдаты, напряжённо следившие за «русской рулеткой», в которой неудачника, наверняка поджидала смерть, затаили дыхание. В руках у Андрея остались лишь две спички, одна из которых и являлась своеобразным пропуском на тот свет, пусть и ради жизни сослуживцев.

– Ну, Лёха!.. Не мандражи! В «барабане» осталось лишь два патрона. Давай-ка, дружок, вытягивай свой счастливый билетик! – усмехнулся Чёрт.

На лице Чернышева не возможно было прочесть: ни страха, ни волнения. Казалось, что сейчас не судьба его вовсе решается, а так, плёвый вопрос.

«Пока я трясусь от страха, Андрей вовсю балагурит!.. Двужильный он, что ли?.. Или он напрочь лишён чувства самосохранения?.. – Александр ревностно наблюдал за действиями Чернышева. – ...Возможно именно поэтому, пацаны и будут всегда тянуться за ним, а не за мной!..»

Вне всяких сомнений Алексей Кучеренко из города Новосибирска вытянул самую длинную спичку в своей жизни. Испытав глубочайшее облегчение, сибиряк как-то по-идиотски хихикнул.

В общем, вторая роковая спичка, так и осталась в руках Чернышева.

«Слепым» жребием, похоже, остались довольны все, в том числе и сержант.

«Глядишь, с этим Чёртом, везунчиком от Бога, ещё и водочки опосля удастся попить!..»

– Сдать, весь боезапас! С собой возьмёте минимум!.. – Александр отдавал последние распоряжения, с определённой долей злобы и зависти. – ...И чтоб через десять минут, духа вашего здесь не было!

Молчаливым взглядом провожали они товарищей, уходящих в полумрак предгорья. Потом, Андрей с Сашкой принялись готовиться, пожалуй, к самому серьёзному и самому важному бою в их коротких жизнях.

– Ну что, старшой? Повоюем по взрослому? – рассовывая по карманам гранаты, ухмыльнулся Чёрт.

– Да какой я теперь «старшой»? Давай уж, по-простому!.. По имени!.. – недовольно поправил его Александр. После чего, пристально глянув в глаза сослуживца, неожиданно заинтересовался. – ...Скажи честно. Зачем, сшельмовал? Почему из всех спичек была сломана лишь одна?

– Откуда знаешь? – встрепенулся Андрей.

– От таджикского верблюда. Думаешь, я не видел, как в твоей руке осталась последняя, такая же, как и все предыдущие длинная палка.

Андрей засмеялся и отвёл свой смущённый взгляд в сторону.

– Саня, глазастый ты наш!.. Просто я, посчитал необходимым составить тебе компанию. Извини, Санёк. Но по характеру, ты чересчур мягкий. Пропал бы ты здесь, без меня.

– А кабы не вытянул я ту, злосчастную спичку, досталась бы она кому-то другому?.. – не унимался сержант.

– Ты что ж, действительно думаешь: чтоб я оставил этих салабонов-первогодок без дедовского надзора? Хочешь, не хочешь, а кому-то из нас необходимо было остаться. Вот я и принял самостоятельное решение!

– Дурак, ты!.. – покачал головой сержант. – ...Коль принял такое решение, тогда держись! А вообще-то: спасибо!.. Если ни в этой, так в следующей жизни, я обязательно верну тебе этот должок.

– Перестань, сержант! Какие между нами могут быть долги? Мы ведь теперь, как братья, с оружием в руках будем защищать друг друга. До последнего...

* * *

– Ты чего? – проснулась Лариса, супруга Юрия Александровича, когда тот вернулся в спальню.

– Да так, ничего. Выходил покурить! – забираясь под лёгкое покрывало, шёпотом ответил ей муж.

Он долго не мог уснуть. Ворочался, ворошил в памяти прожитые годы. Сердце его кололо всё сильнее и сильнее.

«Главное уснуть, и всё успокоится!.. – повторял про себя Громов. Когда же боль приобрела характер невыносимой, он всё ж таки предпочёл обратиться к помощи домашней аптечки. –...Ещё бы найти, нужные мне капли!.. Ведь никогда, сука, не беспокоило, а тут разгулялось!..»

Опёршись рукой о край кровати, Громов приподнялся, и уж было собирался встать на ноги, как его опорная рука вдруг ослабла, и Юрий Александрович всем своим телом рухнул на пол,

сильно ударившись головой. Как ни странно, но никакой боли он при этом вовсе не почувствовал. Напротив, испытал что-то вроде облегчения. Тяжесть в груди, как бы сама собой, неожиданно пропала. И, вообще, во всём его теле вдруг появилась невиданная доселе лёгкость.

«Что со мной?.. Почему я не ощущаю тяжести своего тела? Почему, какой-то невидимой силой меня поднимает под самый потолок? И как получилось, что я могу видеть себя, лежащего у кровати?»

Вот и Лариска проснулась. Наверняка, я разбудил её, шумно упав на пол. Она что-то кричит, суетится, пытается развернуть моё тело на спину. Теперь она бежит к телефону, вызывает «неотложку». Но зачем?.. Ведь я ни в чём не нуждаюсь, я свободен и полностью самодостаточен. Выходит неспроста мне сегодня привиделся Витька-покойничек.

Кстати, который нынче час? А вот и настенные часы. Чудно видеть их на одном с собой уровне. Без трёх минут четыре. Скоро начнут «куковать». О боже, какой кайф ощущать свою полную невесомость!.. Вот значит, как уходят люди в мир иной... Да, точно – это смерть! Моя смерть!.. Ведь об этом я уже где-то читал. Правда, не верилось мне тогда, в какую-то иную, загробную жизнь. А оно, вон как всё вышло! Оказалось, я действительно существую... Существую после смерти. Ура!.. Вот бы, рассказать кому. Так ведь не поверят. Интересно: а как я сейчас выгляжу?.. Нужно поскорее найти зеркало, пока в квартире не занавесили все предметы, отбрасывающие отображение.

Детей, конечно, жаль. Вон они, уже проснулись. Плачут. Как же они теперь без меня? Ну, ничего тут уже не поделаешь. Увы, батя скончался. Старшей уже восемнадцать. Да и младший, в свои пятнадцать, далеко не ребёнок. Ребята смышлёные, как-нибудь освоятся.

Меня упорно куда-то тянет. Дайте мне хоть немного... Хотя бы пару минут побыть здесь, в своей квартире, со своей семьёй. Я уже на кухне. Вот и моя последняя, не докуренная сигарета. Пустая бутылка из-под пива. Всё ясно, меня влечёт в открытое настежь окно. Ладно, не буду сопротивляться: в окно – значит в окно. Ох, каким большим и красивым кажется мой город в эти утренние часы, да ещё и с высоты птичьего полёта. А там, за насыпью, мой родной завод. Уж скоро начнётся смена, на которую я не выйду. Будут звонить, узнавать: дескать, почему Громов не вышел на работу? Вот смеху-то будет, когда узнают, что я!.. Так, стоп. Куда это меня понесло? Что это ещё? Ни то тоннель, ни то какая-то гигантская белая воронка...»

* * *

– Эх, Синюга!.. И заживём мы с тобой скоро! – продолжал мечтать Василий, шагая с бродяжкой по железнодорожным шпалам.

Он так увлёкся своими полупьяными иллюзиями, своим только-только придуманным миром, что вовсе не обращал внимания на безумный грохот, мчавшегося по соседнему пути поезду.

– Ты разве не слышишь? – выкрикнула ему прямо в ухо бомжиха.

– Чего? – вопросительно кивнул головой Угрюмый.

– Вроде, гудит что-то!.. – продолжала орать не менее пьяная нищенка, тащившая за собой весь свой скарб.

– Сейчас посмотрим!.. – завертел головой Васька.

Когда ж он оглянулся назад, мгновенно понял, что уши его уже давно раздрает гудок электропоезда, несущегося прямо на них с бешеной скоростью.

К сожалению, предпринять что-либо было уже поздно.

Машинист электровоза, ещё издали увидел на своём пути двоих, кое-как плетущихся оборванцев. Включив звуковой сигнал, он ещё и попытался остановить многотонный состав, успевший разогнаться до приличной скорости. Тормозной путь оказался чересчур длинным. К тому же его непрерывный гудок, похоже, полностью потонул в грохоте встречного «товарняка».

Предотвратить трагедию машинисту так и не удалось. Оба бомжа, словно мошки, в буквальном смысле, были размазаны о буферную часть локомотива.

Мгновенная смерть – это такой исход, при котором погибший, расставаясь с жизнью, практически не испытывает каких-либо мучений. Именно такая участь постигла участников похода «за счастьем», под колёсами скорого поезда «Москва – Владивосток», в трёх километрах от Омского железнодорожного вокзала.

«Как же так получилось, что я ничего не почувствовал? Я просто приподнялся над пронёсшимся подо мной электровозом. А потом и вовсе взмыл в ночное небо. Кстати, где Синюга?..»

«Заруби себе на носу: никакая я тебе не Синюга!.. – Угрюмову ответил злобный женский голос. – ...Отныне, прошу обращаться ко мне, как к Раисе Максимовне!»

«Во, дела!.. Я разговариваю, не открывая рта. Не иначе, телепатия. Очевидно, она летит где-то рядом, и мы можем общаться с ней мысленно. Чудеса!..»

10 июля 1991 года. Ночь

– Юрий Александрович Громов, родившийся 5 марта 1950 года; скончавшийся 10 июля 1991-го, в 3:57 местного времени от инфаркта. Это так? – тихо произнёс чей-то голос.

– Верно!.. – ответил Юрий, оглядываясь по сторонам, в надежде увидеть того, кто, собственно, и обратился к нему с данным вопросом. Однако ничего, кроме белого, как молоко, и все обволакивающего тумана, он так и не различил.

Только что, пролетев белоснежный, витиеватый и длиннющий коридор, он оказался в каком-то непонятном безграничном и невесомом объёме.

Абсолютная тишина и покой этого, ни то безразмерного сосуда, ни то безграничного помещения – создавали комфортные условия для фривольных и абстрактных размышлений. Они же располагали и к простому, беспечному разговору. Потому Громов с нетерпением и ждал продолжения, начавшегося было диалога. Вот только следующего вопроса вовсе не последовало. За то, после гнетущей и продолжительной паузы, переполняемой звенящей тишиной, Юрий Александрович вдруг... Нет, он вовсе не увидел и даже не услышал, а скорее ощутил каким-то неведомым ему чувством, появление в том же самом пространстве ещё кого-то.

– Кто здесь? – с опаской оглядываясь по сторонам, поинтересовался Громов.

Однако вместо ответа, Юрий Александрович вновь услышал уже знакомый ему тихий и успокаивающий голос.

– Василий Иванович Угрюмов, родившийся 18 ноября 1945 года, скончавшийся 10 июля 1991-го года, в 4:07 местного времени, в трёх километрах от омского железнодорожного вокзала под колёсами пассажирского поезда. Правильно?

– Очевидно, так оно и было!.. – тяжело вздохнув, ответил мужской бас. После чего, добавил. –... Не уж-то, и в правду, отмучился?

«Ни тот ли это, случаем, Василий Иванович?.. Мой заводской наставник?.. – неожиданно для самого себя вдруг припомнил Громов. – ...Мы же с ним лет пять в одной бригаде трудились. У нашего Василия Ивановича, помнится, жена умерла. А после, ещё и дом сгорел. Мужу, уж точно не позавидуешь!..»

«Я это, я!.. И на заводе мне пришлось побатрачить, и жену потерять... И дом мой сгорел. Ну, а ты сам, кем будешь?..» – поинтересовался мужской бас.

«О, как оно было, на самом деле!.. – Громов вдруг уловил ещё один, уже женский голос. – ...Оказывается, жена твоя умерла и дом твой сгорел!.. Выходит, не было ни армии, ни полковника, ни Москвы. Получается: ты врал мне с самого начала. А я-то, дура, уши свои развесила!..»

«Чудно!.. – в удивлении усмехнулся Юрий Александрович. – ...Я лишь невзначай подумал, а мою мысль не только услышали, её тотчас принялись обсуждать!»

«Наверно, так и должно быть. Ведь мы умерли!.. – усмехнулся мужчина, назвавшийся Василием. – ...Теперь ни украсть, ни пёрнуть – всё на виду! Прямо, как в общей бане. К тому же глухо, как в танке. И кто ты, бывший человек, есть? Или кем, по крайней мере, недавно был?»

«Громов я, Юрий Александрович!» – гордо представился Юра.

«Я тебя, конечно же, помню. Вместе работали. Бывало, что и вместе пили. Не плохим ты был парнем. Ну, разве что, с небольшой гнильцой. Так этого добра у нас у всех с избытком. Синюга, ты видала, каких орлов я из дворовой шпаны в мастера выводил!..» – порадовался за себя Угрюмов.

«Кажется, я предупреждала!.. – огрызнулась женщина. – ...Навсегда забудь это проклятое слово: Синюга!..»

Перекрестный огонь мыслей и взаимных недовольств, прервал Голос извне.

– Раиса Максимовна Пластинина, родившаяся 19 августа 1951 года, скончавшаяся 10 июля 1991 года, в 4:07 местного времени, в трёх километрах от омского железнодорожного вокзала, под колёсами пассажирского поезда?

– Да! Это я!.. – дрожащим голосом ответила женщина. – ... Не уж-то, на самом деле, всё? Получается, я умерла, так и не увидев свою кровиночку, своего сыночка?

«Интересно! Куда ж нас теперь, из этого приёмника-распределителя, переправят?..» – мимолётом подумалось Громову.

«Известно куда! Соберут сейчас всех, откинувших ласты нынешней ночью, и по этапу!.. Ну, там, в рай или куда подальше!..» – усмехнулся Василий.

«Рай?.. – в презрительном удивлении переспросила Синюга. Через многие годы она впервые услышавшая своё настоящее имя. – ... А ты его заслужил этот самый рай?..»

«Да кто ж его знает?.. – вновь хихикнул Угрюмов. – ... Быть может, как раз я его и достоин. Почитай, полжизни скитался в нищете, да в рванье. Ну, чем не образ бытия святого мученика?»

«Сволочь ты, и скотина, а не святой скиталец!.. Жену свою, покойную, стервой называл. Да как только твой язык поганый повернулся?..»

«Ни тебе, дура, меня судить!.. – рывкнул Василий. В отместку он попытался нанести ответный укол. – ... Умная, мля!.. Между прочим, я своих детей по детдомам не распихивал!..»

«Не тронь, тварь, своими вонючими мыслями моего сыночка! Это лишь моё личное горе. И если хочешь, трагедия всей жизни!.. За ту глупость, я тысячи раз себя прокляла. И, в отличие от тебя, паразита, ни на какой рай вовсе не претендую. Уж лучше ад. Самый жуткий и ужасный! Дабы полностью искупить все свои земные грехи!..»

Спор бывших бомжей неожиданно прервала случайная мысль Громова.

«Интересно!.. С чего это вдруг они оказались под одним и тем же поездом? Не иначе любовью на рельсах решили заняться!..» – тотчас Юрий Александрович осёкся, вовремя сообразив, что чужие и вольные размышления теперь доступны всем и каждому.

«А тебе, урод, какое собачье дело, что мы делали на рельсах?» – в неистовом бешенстве огрызнулась женская мысль.

«Твою-то мать!.. И подумать-то ни о чём нельзя!.. – чертыхнулся Громов. – ... И вообще, откуда тебе знать: урод я или красавец? По мне, так я вовсе не плох собой!»

«Вот и помалкивай в тряпочку!» – порекомендовала Синюга, с явной издёвкой.

«Юрка, ты на неё не обижайся!.. – спорщиков попытался примирить Василий. – ... Учтывая летальный исход, она стала чересчур бешеной. Ну, а то, что мы вдвоём под поезд попали, так это я за счастьем её повёл. Кстати, Синюга!.. Ой, извиняйте! Как тебя, там?.. Ах да, Мадам Максимовна! Так я, Максимовна, похоже, сдержал своё обещание. Ведь не станешь же ты отрицать того факта, что ныне пришёл конец твоему бродяжничеству? Можешь забыть про обеды на помойке и ночлегах в колодцах теплотрассы. Ну, и чем это не счастье? А раз так, с тебя пузырь!..»

«Щас!.. Вот только на Землю, в дежурный магазин быстренько сгоняю или у таксистов на вокзале перехвачу!.. – ухмыльнулась Рая. После чего, сурово добавила. – ... И вообще, с какой стати ты принялся оправдываться перед этим козлом, куда и зачем мы ходили? Ведь он и сам, походу, по горло в дерьме, коль умудрился угодить в нашу поганую компанию!»

«В отличие от некоторых, мне и вовсе нечего стыдиться!.. – Юрий Александрович, дабы невзначай не ляпнуть чего лишнего, принялся думать исключительно о хорошем. Вспомнил о доме, о детях, о своей бригаде. – ... Прожил я свою жизнь, уж точно, не хуже других! Сына с дочерью поднял. Выбил для семьи трёхкомнатную квартиру. В доме всегда был достаток. А чего ещё от мужика требуется? Грешить, конечно, грешил!.. Не без этого. Однако грешки мои всегда были мелкие – в общем, особо не наглел. Глядишь, и проскочу я нынче в рай!..»

«Тише вы, пустобрёхи!.. – выкрикнул Василий. Он вдруг слышал приближение, ещё чьих-то новых мыслей. – ...Кажись, в нашем полку прибыло!..»

«Точно!.. – прислушавшись, Громов подтвердил предположение Васи Угрюмова. – ... Кто-то о войне думает. О патронах, автоматах, о вражеском окружении!..»

Договорить Юрий Александрович так и не успел. Всё тот же тихий и одновременно понятный всем Голос вновь о себе напомнил.

– Андрей Викторович Чернышев, родившийся 23 августа 1971 года и скончавшийся от взрыва гранаты, 10 июля 1991 года, в 2:07 местного времени?

– Так точно! – ответил ему кто-то из белого тумана.

– Через месяц в детдом, в котором ты ранее воспитывался, придёт письмо. В нём будет сказано о том, что ты пропал без вести в районе Советско-Таджикской границы. Для всех, ты так и останешься пропавшим, без могилы и памятника!.. – прискорбно добавил всезнающий Голос.

«Не может этого быть!.. – растерянно запричитала Рая. – ...Сыночек, как же так?.. Почему от гранаты?..»

«Вот видишь!.. – не скрывая радости, заметил Василий. – ...Всё ж таки нашла ты своё счастье! Нет, Максимовна!.. Одним пузырьём ты, уж точно, не отделаешься! За такое событие, не меньше месяца поить меня обязана!.. Подумать только: спустя семнадцать лет, мать нашла сына!..»

«Мама?.. – в полном недоумении выкрикнул юноша. – ...Получается, ты пришла меня встретить. В детдоме мне всегда говорили о том, что ты умерла, когда мне было всего два года!..»

«Именно так, сынок! Я встретила тебя, и теперь мы всегда будем вместе!..» – Синюга неожиданно нашла более и менее подходящий предлог в своё оправдание. Точнее сын, будто предчувствуя неладное, подсказал ей эту, во всех отношениях приличную версию. Тогда как самой Рае лишь оставалось поддержать её. Что она с величайшим облегчением и сделала.

«Как же!.. Ждала она!.. – произвольно вырвалось у Юрия Александровича. – ... Походу, шлюхой была твоя мамаша и опустившейся женщиной!..»

«Заткнись, сволота!.. – в отчаянии Райка перешла на истошный визг. – ... Не верь, сынок! Андриюша, ни слушай их. Это они, из зависти!..»

«Обожди, мама! Я сам разберусь!.. – сурово произнёс юноша. А после, решительно обратился ко всем, кто его ныне слышал. – ...Хотел бы я узнать: какая сука посмела оскорбить мою маму?..»

– Александр Васильевич Угрюмов!.. – всезнающий Голос, в который уж раз оборвал, разгоревшуюся было склоку. – ...Родившийся 15 декабря 1970 года и скончавшийся от взрыва гранаты, 10 июля 1991 года, в 2:07 местного времени?

– Очевидно, вы правы!.. Вам видней!.. – почти равнодушно ответил чуть огрубевший юношеский голос.

– Через месяц твоя бабушка, Лидия Петровна получит извещение, о том, что ты пропал без вести в районе Советско-Афганской границы. Могу сказать больше. Столь тяжёлого удара Лидия Петровна не перенесёт, и твоя сестра останется полной сиротой!.. – зачем-то добавил Голос.

«Мать честная! Да ведь это сын мой, Сашка! Но, как?.. – изумился Василий. – ...Сашок, ты узнаёшь меня? Ведь это я, твой папа. Как быстро бежит время! Кажется, совсем недавно на руках его носил, а ему уже девятнадцать!.. Было!.. – сконфуженно поправился Василий. После чего, дабы поскорее сгладить щепетильность создавшейся ситуации, добавил. – ... А Иришка, сестрёнка твоя, как?..»

«Да пошёл, ты!.. – огрызнулся в ответ юноша. – ...Твой поганый голос я сразу узнал. Точнее, с самого первого мгновения уловил твой паскудный дух! Никакой ты мне не отец! Гад, ты!..»

«Саша, Бог с тобой. Разве ж можно так на отца? Какой никакой, а всё же я твой родитель. Помнишь, как я катал тебя на машине; как ездили с тобой в «Детский мир»; как купил тебе грузовик на батарейках; как в футбол с тобой играли?.. Сынуля, ты вспомни. Ведь вместе нам было здорово!..»

«Было, да сплыло! После того, как погибла мама, ты ни разу не поинтересовался: как мы и где мы? Ни разу не навестил нас. Ты, кстати, знаешь о том, что дед Ваня, семь лет назад умер? А теперь представь, как тяжело нам было тянуть крестьянское хозяйство, с бабушкой-инвалидом!..»

«Парни, вы что ж, служили на Таджикской границе?» – пытаюсь разрядить взрывоопасную ситуацию, тихо спросил Юрий. Ему льстило то, что на фоне этих двух «супчиков», он выглядит в более выгодном свете.

«Так точно! Прямым рейсом оттуда, с окрестностей реки Пяньж!.. – усмехнулся Андрей. – ...Тыщу лет, глаза б мои его не видели!»

«Не поверишь! Но и мне, в молодости посчастливилось послужить в тех местах. Для нас, для сибиряков, климат там просто паскудный. Да и сама республика полное дерьмо. Друг у меня там погиб, в семьдесят втором году!..»

Синюга, до последнего мгновения продолжавшая всхлипывать, неожиданно затихла.

«И как же звали вашего погибшего друга?.. – поинтересовалась она, воспользовавшись паузой. – ...Случайно, не Виктором?.. Ни Чернышевым?..»

«Ага, правильно! Витька Чернышев!.. Пойдите-пойдите. А как вы об этом узнали?.. – с некоторым подозрением задал свой вопрос Громов. И тут-то до него, наконец-то, дошло. – ...Блин!.. Как же я сразу не сообразил, что у Виктора и у вашего сына, одна и та же фамилия!»

«Вот именно!.. – с укоризной подчеркнула женщина. – ...Андрей, тот погибший друг и был твоим отцом. Выходит так, что этот грёбанный Таджикистан, забрал у меня сразу двух, самых дорогих мне людей!..»

«Странно! Но Витька никогда не рассказывал мне, ни о жене, ни о сыне!.. – Юрий Александрович призадумался. – ...Девушка, действительно у него была!.. Письма он ей писал!.. А иного, что-то не припомню!..»

«О беременности я узнала слишком поздно! Виктор в отпуск приезжал, ну, и!.. – тут же пояснила Синюга. – ...Родители у меня твёрдых моральных устоев, а мы не расписаны!.. Потому и решили оставить всё в тайне, до его возвращения. Я уехала к тётке, якобы, в институт поступать!»

«Ну, а дальше, что было?» – поинтересовался Василий. Сейчас он готов был говорить на абсолютно любые темы, только б они никоим образом не касались ни его самого, ни его сына.

«Что дальше?.. – отрешённо переспросила женщина. – ...Дальше, я родила мальчика. А чуть позже, получила «похоронку»...»

«А потом?» – не унимался Угрюмов.

«Потом!.. Потом, я умерла. Не слышал, что ли?..» – очень жёстко ответила женщина, вкладывая в свои интонации твёрдое предупреждение: дескать, только попробуй что-нибудь вякнуть.

«Эх, и почему ж я не зашёл к ней после дембеля? Ведь именно об этом и просил меня Витька!..» – в замешательстве подумал Громов...

– Надеюсь теперь вам понятно, почему я собрал все ваши грешные души вместе?.. – вновь напомнил о себе Голос. – ...Всех вас объединяют не только личное знакомство или родственные связи, а ещё и не совсем чистая совесть. И, прежде всего, друг перед другом.

– Позвольте-позвольте!.. – возмутился Юрий Александрович. – ...В отличие от некоторых, лично я абсолютно чист! Мне, вообще, не свойственны такие понятия, как угрызение совести или стыд. Подумаешь, не зашёл к Витькиной подружке!.. Я не имел ни малейшего понятия о том, что та с «пузом», а после и с «киндер-сюрпризом». Пока лечился в госпитале, гроб с телом Чернышева отвезли сопровождающие. Они-то и обязаны были поведать близким, как погиб Витька, что именно с нами приключилось. Со своей стороны... В общем, я посчитал лучшим, не беспокоить родственников повторно. К чему снова и снова ворошить былую трагедию? Девица и вовсе могла, к тому времени, найти себе другого!

– Громов, попрошу впредь, не перебивать меня!.. – повысил свой тон, до того неизменно спокойный Голос. – ...В противном случае, тебя может ожидать самое жестокое наказание!

– Интересно, какое наказание может быть страшнее смерти, которую мы уже пережили? – ухмыльнулся в ответ Громов.

– Ну, а если я расскажу Раисе Максимовне и её сыну о том, при каких обстоятельствах, в действительности погиб их муж и отец?

– Нет! – неожиданно выкрикнул Юрий Александрович.

– От чего же? Ведь ты сам, милоч, напросился на неприятности! Вот и изволь получить их!..

Сударыня Пластинина, сейчас вы узнаете тайну, о которой долгое время знали лишь трое: Громов, Чернышев и, соответственно, я. Ваш муж, как минимум дважды, мог остаться в живых!..

Итак, начнём по порядку. В тот роковой день два друга-земляка: Юрий и Виктор совершали рядовой обход границы. Трое вооружённых преступников, пытавшихся уйти за кордон, волею случая и почти лоб в лоб, нарвались на этот самый пограничный дозор. Причём, друг наш, Громов заметил нарушителей границы первым. Однако, вместо того, чтобы предупредить товарища о смертельной опасности, перепуганный Юрий Александрович, скоренько скрылся в близлежащем кустарнике, сославшись на внезапное расстройство желудка. Таким образом, неравный бой с бандитами принял лишь один Виктор, к тому моменту уже раненный в грудь.

Здесь, обязательно следует отметить следующее обстоятельство. Если бы пограничники действовали в паре, они бы без труда справились с тремя преступниками, имевшими в своём арсенале, лишь пару охотничьих ружей. Тем не менее, Громов предпочёл отсидеться в кустах, выпустив в воздух оба «рожка», имевшегося при нём боезапаса. И только после того, как канонада стрельбы затихла, а рецидивисты благополучно пересекли госграницу, наш «смельчак» соизволил покинуть убежище.

Заметьте: к тому времени, тяжелораненый Виктор был всё ещё жив.

Наш Юрий Александрович всеми силами пытался скрыть свою трусость. Имитируя оказание первой медицинской помощи, он просто-напросто тянул время, ожидая смерти товарища от потери крови. После чего, для пущей правдоподобности своего участия в задержании преступников, Громов подобрал брошенное бандитами ружьё и ранил себя в руку. Истекая кровью, он отправился на заставу...

– Не правда! Не было этого! Вы наглым образом перековеркали действительность! – что было силы, возмутился Громов.

– Не было, говоришь?.. – усмехнулся Голос. – ...А быть может, ты сам внушил себе ту искажённую правду? Да и поверил в неё со временем. Признайся, хотя бы самому себе: ведь именно поэтому, ты и опасался ступить на порог Витькиного дома, посмотреть в глаза его близким. Впрочем, это ещё цветочки.

Василий Иванович, подскажи-ка мне: кто первым навестил тебя после той злополучной аварии, в которой погибла твоя супруга? – Голос неожиданно переключился на Угрюмова.

– Сейчас, пожалуй, и не упомяну!.. Много воды утекло с тех времён. Кажется, ребята из цеха!.. – неуверенно ответил Вася.

– Всё верно! С искренним сочувствием и поддержкой, первыми к тебе заглянули ребята из вашей бригады. Был среди них и твой, некогда ученик: Юрий Александрович Громов. Именно он и предложил тебе с горя выпить. Сам сбегал в «лавку» за водкой. Так он бегал недели две, пропивая твои денежные накопления, а после и все дорогие вещи из дома Угрюмовых.

– Я что ж силой, ту водяру в него вливал? – ухмыльнулся Громов.

– Ну, силой не силой, а перед дружками своими, ты, помнится, хвастал. Дескать, как ловко тебе удалось облапошить одного дурочка. Скупив у последнего, за сущие гроши гараж, мебель и прочую дорогостоящую бытовую технику. Скажи, Василий Иванович: после того, как твой дом опустел, ты его видел?

– Вроде бы забегал как-то!.. Кажется, под Новый Год... – уж в который раз, неуверенно ответил Угрюмов.

– «Вроде бы, да кабы»!.. – передразнил его Голос. – ...Это действительно произошло в канун празднования Нового Года. Пробыл он у тебе в гостях не более часа. О том эпизоде можно было и вовсе не вспоминать, если б не окурочка сигареты!.. Покидая твой дом Юрка, небрежно бросил в сених свой непотушенный «бычок»... Именно от него, спустя пару часов и полыхнуло ясным пламенем твоё жилище!..

Ну, Юрий Александрович, как думаешь? Есть смысл продолжать повествование о твоей, якобы, чистой и незапятнанной репутации?

– Не стоит! – тихо ответил Громов.

– Что, умник?.. – усмехнулась Рая. – ...Собирался в новую жизнь на белом коне въехать? А оказался засранцем, почище нашего! Как не крути, а все мы тут, дерьмо порядочное!

– Пора бы мне и отдохнуть!.. – громко зевнул Голос. – ...А вы, ребята, можете обсудить меж собой полученную информацию. Поговорить, кое в чём разобраться. Но уже без меня. Кстати, прошу не удивляться, если обнаружите рядом с собой кого-то ещё...

* * *

Туман сам собой развеялся. Освободив небольшое пространство, он повис белой дымкой по краям, не имевшего границ объёма.

В образовавшемся просвете, присутствующие наконец-то смогли увидеть друг друга в полный рост и в прежнем облике. Кроме того, они сумели ощутить под своими ногами твёрдую опору.

Как и предупреждал Голос, вместо двух молодых людей: Андрея и Александра – в видимом пространстве вдруг обнаружился и ещё один юноша. Как и первые двое, он был облачён в военную гимнастёрку. Лишь Рая с Юрием, слегка пожившись, узнали в нём погибшего семнадцать лет назад Виктора.

– Здравствуй!.. – заговорил тот самый, внезапно появившийся молодой человек. – ... Вот и увидел я своего наследника. Знал, что родила. Знал, что сын. Что Андрей... А вот какой он на самом деле, увидел лишь сейчас. Андрюха, теперь мы с тобой, почитай, ровесники. Мне ведь тогда около двадцати было. Что ж так рано ушёл из жизни? Взял, да и оборвал на себе нашу фамилию!

– Нынче, на границе, как на войне! – вовсе не зная, как обратиться к этому незнакомому парню: по-приятельски или как-то по-родственному, неопределённо ответил Андрей.

– И с кем, интересно, воюем? Не уж-то американская агрессия? – в удивлении поинтересовался Виктор.

– Да какая, Витёк, к едрени-фени Америка?.. – вмешался в разговор Юрий Александрович. –...Нам бы в родном Отечестве, внутри Союза, дай Бог, разобраться!.. Армяне воюют

с азербайджанцами; грузины с абхазами. Молдаване гнобят таких же молдаван, но уже приднестровских!.. В общем, кто кого хочет, тот того и «мочит»!..

Однако Виктор так и не глянул в сторону Громова. Он обратился как бы ко всем.

– Как же так? Разве может такое быть? Помниться, на нашей заставе служили и украинцы, и узбеки, и русские... При этом делить нам было абсолютно нечего. Куда ж партия смотрит?

– Партии больше нет!.. – вновь пояснил Юрий. – ...Витёк, ты не поверишь. Всех нас, принуждая верить в светлое будущее, в коммунистические идеалы, на самом деле жестоко дурачили. Оказалось, что коммунисты: от Вождя, до секретаря цеховой парторганизации – все они были преступниками. В восемнадцатом году не было никакой Революции, и уж тем более Великой. Был самый настоящий государственный переворот. А последующие семьдесят лет, эти твари промывали нам мозги коммунистической пропагандой. Свой партбилет я принародно порвал, публично покончив с данной тоталитарной организацией.

Эх, Витька! Всё в нашей стране изменилось. Народ вздохнул с облегчением, жизнь стала интересней. У нас, вообще, что ни день, то событие.

– Что ж это за жизнь, когда вокруг бушует гражданская война?

– Ты, Чернышев, по-прежнему загружен марксистско-ленинской политинформацией!.. – рассмеялся Громов. – ...Война, она там!.. А у нас Перестройка! Можно без оглядки и без опаски говорить о чём угодно. Свобода у нас такая, когда любой гражданин, буквально за пару месяцев, может стать миллионером!

– Постой-постой!.. – будто о чём-то вспомнил, спохватился Виктор. – ...Коль есть миллионеры, значит, должны быть и нищие. Ведь это прописная истина!

– И что с того?.. – искренне удивился Юрий Александрович. – ...Вон Васька Угрюмов!.. Как был лентяем, да пропойцей, так и остался таким же ущербным! Зато у меня, у рабочего и целеустремлённого человека, как говорится: всё на мази! Я профессионал. Слесарь с большой буквы «С»! Такие как я, при любой власти будут востребованы!

– Громов, такие как ты!.. – вмешался в разговор озлобленный Василий Иванович. – ...Хитрые, завистливые, скользкие и пронырливые, уж точно, в любую задницу без мыла проскочат. Такие, всегда знают с кем попить; кого подмазать; а когда и интрижку закрутить. Они готовы идти по головам, по трупам. Кабы не та авария!.. Ты бы у меня, по сей день в подмастерьях ходил!

– Эх, Юрка-Юрка!.. – тяжело вздохнул Виктор. – ...Я то, грешным делом, уже забыл былую обиду. Посчитал, что там, на границе, ты просто-напросто смалодушничал, слегка перетрусил. Молоды мы были, и подобное могло приключиться с каждым. А на самом деле, ты и впрямь с гнилым и паскудным нутром!

– Хватит! Надоело!.. – выкрикнула возмущённая Рая. – ...Да что же вы за люди таки? В последние минуты своего существования, кроме как о набившей оскомину политике, вам и поговорить более не о чем!.. Вы что, не понимаете: этот!.. – Раиса Максимовна указала куда-то вверх. – ...Только того и ждёт, чтоб все мы здесь перегрызли друг друга. Мужики, очнитесь!

– А, собственно, о чём мне с вами ещё говорить?.. – раздражённо ответил Виктор. – ...Ведь ты, Рая, мне в тётки годишься! От бывлой, стройной и симпатичной девушки, и следа не осталось. Если бы заранее не знал, кто ты, наверняка и вовсе не обратил внимания на некую толстуху в этаким рваньё!..

– Интересно было бы увидеть, каким бы ты, отец, стал через те же двадцать лет! – вступился за мать Андрей.

– Да, уж точно, не довёл бы себя до подобного, мерзко-неприличного состояния!.. – ухмыльнулся в ответ Виктор. – ...В отличие от вас, у меня наверняка была бы в жизни конкретная цель! И уж поверьте: я бы её добился. Ведь все вы, вместе взятые, по большому счёту, и вовсе не жили. А так!.. Существовали, занимая чужое место. Возможно, именно моё! – при этом, Чернышев-старший с презрением глянул на Громова.

В объёме воцарилась гробовая тишина. Находившиеся в нём люди... Или, если быть более точным: их души, в человеческом обличии, старались не смотреть друг на друга. Каждый из них отводил взгляд в сторону, понимая, что этот парень, чудом вернувшийся из далёкого прошлого, отчасти, был сейчас прав.

Даже молодые люди вдруг припомнили свои, некогда упущенные возможности. Александр подумал о военном училище, в которое он, не проявив надлежащей настойчивости, так и не поступил. Андрей, о своём легкомысленном отношении к жизни.

Первым пришёл в себя Юрий Александрович. Он осторожно приблизился к Виктору.

– Витёк, кто бы с тобой спорил!.. Ты, как всегда, попал в самую точку! Гады мы и сволочи! Однако и ты, должен понимать!.. Менять что-то; горевать о потерянном, а так же казнить себя за прошлые ошибки – уже поздно. Считай: мы все ныне наказаны... Наказаны смертью! Куда ж хуже?.. Той же самой смертью мы и уравниваем. Тот же Васька оказался в абсолютно одном со мной положении. Да, и у ваших пацанов, ситуация ни на грамм не хуже, и не лучше. Посему давай-ка, дружище!.. Хоть на время забудем о наших былых обидах!

– Ты это к чему? – чуть отстранился от Громова Чернышев-старший.

– Только пойми меня правильно!.. – оглядевшись по сторонам, Юрий Александрович заговорил в полный голос. – ...Не за себя прошу! Думаю обо всех, как и я сам, бедолагах. Витюша, ведь ты здесь уже давно. Наверняка успел пообтереться, многое узнать. Так поделись своим опытом с близкими и знакомыми. В конце концов, своими земляками. Расскажи: как тут? Жить можно? Подскажи, как попримичней здесь пристроиться?

– Пошёл ты! – сквозь зубы процедил Виктор.

– Ой-ой-ой! Какие мы гордые и правильные! Ничего, что я рядом с тобой стою?.. – не унимался Громов. – ...Не хочешь помочь соотечественникам, не надо! Сами, уж как-нибудь разберёмся! Скажи, хотя бы, кто ранее с нами говорил?.. Бог? А может, святой Пётр с ключами от рая?

На сей раз, Юрий Александрович так и не дождался ответа. Образ Виктора неожиданно для всех, безвозвратно растворился в тумане.

– Вот и поговорили!.. – тяжело вздохнул Громов. – ...Принципиальный! Да и хрен с ним, с этим чёртовым комсомольцем!..

– Что, Юрий Александрович?.. «Умылся» со своими расспросами?.. – вновь заговорил уже подзабытый всеми Голос. – ...Неприменно желаешь узнать: кто я? Надеюсь, в скором времени это вовсе не будет для вас загадкой. Скажу лишь о том, что в вашем привычном понимании, я вовсе не Бог. Хотя, кое-какое отношение к Всевышнему, к чудотворным деяниям я имею.

Сегодня десятое июня. В этот единственный день в году, я абсолютно свободен в своих поступках. Как никогда, я могу быть добр и благодушен. А посему, поспешу вас обрадовать.

Я решил даровать вам то, чего вы никоим образом не заслуживаете. Я позволю вам изменить ваше прошлое. То есть, вы вправе прожить свою жизнь заново, избрав за начальную точку отсчёта, любое мгновение своей прежней, не слишком удачной судьбы.

Поверьте, мне крайне интересно, что из всего этого выйдет.

Итак, прямо сейчас каждый из вас вправе исправить свою былую ошибку. С моей помощью, вы в состоянии исполнить своё самое сокровенное желание, о котором, возможно, мечтали всю свою прежнюю жизнь. Однако умоляю: не спешите. Хорошенько подумайте.

«Жену бы мне свою вернуть! А в остальном... Пожалуй, пусть всё останется, как прежде!» – Угрюмов скорее помечтал, нежели загадал желание.

«Умоляю, верните Виктора! Чтоб он пришёл со службы живым и невредимым! Тогда и моя жизнь наладится!» – Синюге (то есть Раисе Максимовне Чернышевой) долго думать не пришлось. Эту заветную мечту она несла в себе на протяжении последних семнадцати лет.

«Уж и не знаю, чего пожелать!.. – всерьёз призадумался Юрий Александрович. – ... Конечно, хочу жить! Причём, не просто жить, а быть свободным в своих действиях и поступках! Умотать бы мне лет на пять-десять куда-нибудь в Италию, где сыто и тепло! Чтоб глаза мои не видели: ни этот завод; ни бригаду и, вообще, эту грёбаную горбачёвскую Перестройку! Именно из-за неё проклятой, приходится хитрить, изворачиваться, из кожи вон лезть, только бы выжить и сохранить прежний статус!..»

«Хочу, чтоб была у нас нормальная полноценная семья! И мать, и отец были живы!..» – в отличие от некоторых, Андрей чётко знал, чего ему не хватало в жизни.

«Пожалуй, и я был бы вовсе не прочь присоединиться к пожеланиям Чёрта!.. – согласился Сашка и тотчас поспешил добавить. – ...И чтобы я обязательно поступил в военное училище!..»

10 июля 1991 года

Со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра, Людмила Петровна не могла найти себе места. Ещё бы... Вы только представьте: впервые, за двадцать лет их совместной жизни, её муж не ночевал дома.

Конечно, всякое случалось в их браке. Были и ссоры, и размолвки, и какие-то обиды. Бывало, что глава семейства задерживался на работе или «вечеровал» в гараже, в компании с мужиками или в «обнимку» со своим любимым «Москвичом». Но чтобы вот так, без предупреждения, без каких-либо намёков, да ещё и на всю ночь!.. Столь неожиданный поворот, поверг Людмилу в неопишное смятение.

Случайная амурная интрижка и, уж тем более, продолжительный роман супруга на стороне, Людмилой Петровной полностью исключались. Не тот он был человек, чтобы вот так, запросто пожертвовать семейным благополучием ради случайно подвернувшейся короткой юбки. Безрассудство, некий романтизм, легкомысленность или склонность к авантюрам – все эти определения были вовсе не о нём, не о её стабильном и чересчур консервативном Василии. Да собственно, и не в том он был нынче возрасте...

На протяжении многих лет, одиннадцать часов вечера, были для супруга последней временной отметкой, дольше которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не задерживался. Нет, идеальным мужем Василий, конечно же, не был. Случалось, что слегка... И не только слегка... Порой он прилично «перебирал» с приятелями или коллегами по работе. При этом Вася добирался до дома самостоятельно, без чьей-либо помощи и неизменно до двадцати трёх, ноль-ноль. То была не прихоть или требование Людмилы, просто так повелось в их семье с первых дней супружеской жизни.

Все вышеозначенные доводы, настойчиво и упорно подталкивали растерявшуюся женщину к мысли о том, что с её мужем определённо приключилась какая-то неприятность, а быть может, и трагедия.

До полуночи Людмила Петровна терпеливо ждала, всё надеялась и надеялась, что вот-вот в замочной скважине, с внешней стороны входной двери, лязгнет ключ самого близкого для неё человека. К сожалению, те невыносимые ожидания оказались тщетны.

Ну, а ближе к часу ночи волнения женщины переросли в панику. Рука её невольно потянулась к телефону и записной книжке с номерами друзей и знакомых.

Очень скоро Людмиле стало известно о том, что по окончании рабочей смены её благоверный с коллегами по работе заглянул в пивной бар. Опрокинув там пару кружек, Василий поспешил на вокзал, дабы успеть на семнадцатичасовую электричку. Кажется, он собирался пораньше вернуться домой. И всё... С этого самого момента, супруг Людмилы Петровны как в воду канул. Никто его не видел; никто и ни чего о нём не знает.

На сей раз, очередь дошла до телефонного справочника с номерами оперативных служб города и области. Переполошив дежурную часть УВД; приёмные отделения больниц и городские морги – более оригинального ответа, чем: «среди поступивших, ваш муж не значится!» – взволнованная женщина так и не добилась.

Когда ж за окном забрезжил рассвет, ничего иного, кроме отрешённости и полной безысходности Людмила Петровна более не испытывала. Невзирая на полное измождение вследствие бессонной ночи, Людмила по-прежнему ожидала любой новости о своём супруге. Тем не менее, внезапный утренний звонок во входную дверь всё же застал её врасплох.

«Кто там, за дверью? Что может принести этот незванный гость: облегчение или скорбь?.. – Людмила Петровна замерла в нерешительности. – ...А если, последнее?.. Может, мне и вовсе не открывать?.. Пусть идёт, откуда пришёл, уж лучше неопределённость, неизвестность...

Пусть в моей душе по-прежнему будет теплиться хоть какой-то огонёк надежды. Оставляю всё, как оно сейчас есть, чем узнать что-то мрачное! Ведь я не смогу, не сумею пережить печальное или вовсе, трагичное известие!..»

– Мама! Открой, в конце концов, дверь! Уж четвёртый раз звонят!.. – окрик дочери сумел-таки вывести хозяйку дома из временного ступора. – ...Ты разве не слышишь? У меня каникулы или что?.. Родители, дайте ж мне выспаться!..

Будто робот, получивший приказ, Людмила Петровна отрешённо направилась в сторону прихожей.

На пороге стоял мужчина лет тридцати. Одет он был в гражданский костюм. Однако в вытянутой руке тот мужчина держал удостоверение сотрудника милиции. Увидев красные «корки», сердце хозяйки квартиры заколотилось в бешеном ритме.

– Что с ним? – едва слышно прошептала Людмила.

– Да, не волнуйтесь вы так!.. – улыбнулся гость. – ...Жив ваш муж, жив! Всё неприятное уже позади. Сейчас он в больнице «Скорой помощи», на Левом берегу! Состояние удовлетворительное!

– Почему в больнице? – с подозрением поинтересовалась женщина.

– Травма головы!.. – как бы, между прочим, пояснил гость. – ...Вашего супруга в бессознательном состоянии обнаружил путевой обходчик, в трёх километрах от железнодорожного вокзала. Я разбираюсь с этим делом и выясняю обстоятельства происшествия. Кстати, забыл представиться. Капитан Орлов, Дмитрий Владимирович! Оперуполномоченный линейного отделения УВД. Скажите: когда вы в последний раз видели своего мужа?

Никаких вопросов Людмила Петровна более не слышала. Всё её существо, вся её душа и мысли, были уже там, в больнице у кровати суженного...

– Доктор, пока я не увижу своего мужа, не успокоюсь!.. – настаивала Людмила в кабинете заведующего нейрохирургическим отделением. – ...Медсестра уверяет: будто бы он уже в сознании.

– Хорошо-хорошо! Но не более пяти минут!.. – согласился заведующий. – ...Пациент очень слаб, он потерял много крови. К тому же, полученная травма слишком серьёзна. С головной шутки плохи! И чтоб никаких слёз. Ему рекомендуют, исключительно, положительные эмоции.

В сопровождении лечащего врача, Людмила Петровна тихо вошла в палату. Увидев своего супруга с перевязанной головой, да ещё и обвешанного со всех сторон какими-то капельницами, трубочками, проводами и прочими медицинскими штучками – ей, чуть было, не стало дурно.

Слегка приоткрытые глаза Василия отрешённо смотрели куда-то вверх. Казалось, он был без сознания или, вовсе без чувств. Однако заслышав посторонние звуки, пациент обернулся к двери и встретился взглядом с Людмилой. В это мгновение и произошло нечто невероятное...

Вместо того чтобы обрадоваться приходу жены или, каким-то иным образом выразить свои положительные чувства, мужчина вдруг изогнулся всем своим телом, затрясся и ни с того, ни с сего, издал вопль ужаса. Будто бы увидел он вовсе не свою супругу, а зловещего и страшного монстра.

Реакция пациента была настолько неожиданна, а главное, совершенно непредсказуема, что врач, во избежание более серьёзных осложнений, предпочёл развернуть Людмилу Петровну к выходу и скоренько закрыть за ней дверь.

– Василий Иванович, вас что-то беспокоит? – поинтересовался врач, вернувшийся к возбуждённому пациенту.

– Почему она здесь? – всё ещё трясущимся голосом переспросил больной.

– Это вполне естественно. Она ваша супруга. По-моему, нет ничего странного или невероятного в том, что ей, как самому близкому родственнику был выписан пропуск в вашу палату! – пояснил врач, стараясь говорить спокойно и предельно понятно.

– Доктор, скажите: как вас зовут? – вопрос пациента был несколько неожидан.

– Сергей Михайлович!.. – ответил врач. – ...А в чём, собственно, дело?

– Дело, Серёжа, в том... Извини, Сергей Михайлович! Так вот, дабы не было между нами каких-то разногласий. Или, не дай-то Бог, ты бы принял меня за конченого психопата, я обязан внести кое-какую ясность. Смею официально заверить тебя в том, что моя законная супруга погибла более девяти лет назад.

– То есть, как?.. – ещё не зная, как относиться к словам Василия Ивановича, на всякий случай переспросил врач.

– Мы попали в автокатастрофу. В живых остался лишь я один. Вы сами можете в этом убедиться, если отправитесь на Восточное кладбище. Там, в самом начале двадцать девятой аллеи, вы запросто можете обнаружить её могилу. Людмила давно нет, и быть не может.

Признаться, я вовсе не знаю, что за женщина, минутой ранее зашла с вами в мою палату: аферистка или привидение. Не спорю, она очень и очень похожая на покойную. Да только у меня к вам будет очень большая просьба, никогда более не пропускать её в отделение.

– Хорошо-хорошо!.. – как-то совсем уж легко согласился Сергей Михайлович. – ...Сейчас вы примите успокоительное и сможете нормально отдохнуть. Уж поверьте мне, сон лечит. Лечит если не всё, то очень многое.

– Прошу вас: отнеситесь к моим словам более чем серьёзно!.. – не унимался чересчур возбуждённый Василий Иванович. Он продолжал выкрикивать вслед уходящему врачу какие-то отрывистые фразы. – ...Она действительно погибла!.. Дом наш сгорел!.. Уж восемь лет, как я стал бездомным и никому не нужным привокзальным бродягой!..

– Что это было? Что с ним? Я ничего не понимаю!.. – Людмила Петровна поджидала врача в коридоре, у дверей палаты. – ...Почему он так кричал?

– Не хотелось бы вас преждевременно огорчать!.. – озабоченно заговорил Сергей Михайлович. – ...Однако боюсь, что состояние вашего мужа не настолько радужное, как мы первоначально предполагали. Честно сказать: с подобным в своей практике я встречаюсь впервые. Возможно, у вашего супруга произошла частичная потеря памяти... Вы только представьте. Ваш супруг с полной уверенностью берётся утверждать, будто бы вы, Людмила Петровна, погибли девять лет назад. Якобы, в автомобильной аварии.

– Доктор!.. – женщина оборвала врача на полуслове, так и не дав тому закончить. – ...А ведь авария, действительно была! Тогда, девять лет назад, в его «Москвич» врезался грузовик с пьяным водителем. Однако меня, в тот злополучный день в машине не было. С утра мы немного повздорили и Василий, психанув, отправился на «нарезку» дачных участков один. Два месяца он провёл в реанимации!..

– И какие травмы, если не секрет, он тогда получил? – поинтересовался Сергей Михайлович. Вновь открывшиеся обстоятельства, его чрезвычайно заинтересовали.

– Сложный перелом ноги. Он ведь до сих пор хромает. Перелом двух рёбер и тяжёлое сотрясение... – не задумавшись, ответила женщина. Она хорошо помнила те дни. Ведь, по сути, Людмила не отходила от мужа не на минуту, на равных с ним перенесла все его страдания. Потому и отложились они так остро и ярко в её памяти.

– Очень хорошо, что вы вспомнили о тех событиях. Не берусь утверждать с абсолютной уверенностью, однако допускаю, что мы столкнулись со скрытыми последствиями того самого сотрясения, усугубившиеся новой травмой. Одно наложилось на другое и получилось нечто третье!.. Человеческий мозг, увы, до конца непознан!

Итак, для Людмилы Петровны (как впрочем, и для других родственников) вход в палату Василия Ивановича Угрюмова, был временно закрыт. Однако с данным пациентом в тот день дважды удалось встретиться капитану милиции Орлову. Тому самому, что ещё утром сообщил жене пострадавшего о местонахождении главы семейства.

Первый раз, оперуполномоченный добился пятиминутного посещения сразу после ухода из отделения Людмилы Петровны. Во время данного предварительного опроса, потерпевший вёл себя довольно-таки уверенно, на вопросы отвечал чётко, и почти не раздумывая. Вот только, в своих ответах он (как показалось тогда Орлову) нёс полнейшую чушь. К примеру, Угрюмов утверждал, будто сбил его электровоз, нёсшийся на приличной скорости. Пострадавший с полной уверенностью брался утверждать, будто бы, живёт он, где придётся и, как правило, на вокзале. Основным своим занятием (вместо рабочей специальности на крупном предприятии) он почему-то назвал промысел пустой стеклотары, попрошайничество и бродяжничество. И вообще, по словам потерпевшего: нет у него ни дома, ни семьи. Кроме того, Угрюмов наотрез отказался писать заявление в милицию о полученных травмах и побоях, ссылаясь на то, что сам во всём виноват. Дескать, сам вышел на рельсы, не заметил состав поезд, потому и не имеет он к кому-либо претензий.

По большому счёту, дело о нанесении тяжких телесных повреждений можно было закрыть и никогда более о нём не вспоминать. Однако Орлов был дотошным опером.

Дабы окончательно внести ясность в обнаружившиеся противоречия – ради формальности, а может для очищения собственной совести, капитан отправился на завод, где трудился потерпевший. Пообщался с руководством цеха, с рабочими. После чего, Дмитрий заскочил на вокзал и ещё раз навестил Людмилу Петровну.

Лишь к вечеру капитан вновь объявился в нейрохирургии. В кабинете заведующим, куда напрямик направился Дмитрий, в аккурат, предметно обсуждался предварительный диагноз и возможные перспективы лечения, доставленного накануне пациента Угрюмова.

Кроме главного и лечащего врача в том консилиуме принимал участие специалист из психиатрического отделения, специально приглашённый по данному, конкретному случаю.

С разрешения главврача капитан присел в сторонке и принялся молча слушать диспут медицинских светил, одновременно пытаясь уловить полезные для себя сведения.

Оперу хватило и десяти минут, чтобы окончательно запутаться в медицинской терминологии. После чего, он и подал свой голос.

– Уважаемые эскулапы!.. – предельно корректно обратился он к присутствующим. –... В ваших мудрёных разговорах, я естественно ни черта не понимаю. Потому, позвольте мне на очень короткое время прервать вашу дискуссию и попросить вас: по-простому... Как говорить, на пальцах пояснить мне кое-какие факты.

– Спорить с сотрудником правоохранительных органов весьма опасное занятие!.. – усмехнулся главврач. – ...Посему излагайте, с чем пришли? Мы все во внимании!

– Сегодня, я надеялся по горячим следам разобраться с делом вашего подопечного. Однако проделав некоторый объём работы, я зашёл в определённый тупик, из которого без вашей помощи мне, похоже, уже не выбраться.

На первый взгляд: всё просто и очевидно. Обычный работяга и примерный семьянин (которых, вокруг миллионы) на протяжении двадцати лет передвигается по одним и тем же маршрутам. Дом – завод, дом – дача, дача – гараж и так далее. Короче, никаких отклонений: ни вправо, ни влево от годами установившегося графика.

Далее, с этим гражданином происходит, опять же, банальное происшествие. По крайней мере, для милицейской практики. В наше смутное время подобные случаи происходят сплошь и рядом. В общем, попадает наш Угрюмов в больницу с травмой головы. То ли, ударил его кто-то... То ли, на полном ходу его выбросили из вагона электрички... Нельзя сбрасывать со счетов и вариант, при котором он сам решил свести счёты с жизнью. Возможно, как утверждает

сам потерпевший, его действительно зацепил проезжавший поезд. Согласно анализам крови, на момент инцидента пострадавший прибывал в состоянии алкогольного опьянения, потому и возможна путаница в показаниях. Казалось бы, всё – дело можно закрывать!..

– Молодой человек, нельзя ли покороче? – тяжело вздохнул главный врач нейрохирургического отделения. Похоже, он не был в большом восторге от затянувшегося монолога.

– Да-да! Как раз, я и подошёл к самому главному! Итак, в криминальном плане, данное дело перспектив не имеет. Однако мне пришлось столкнуться с рядом спорных и отчасти сомнительных обстоятельств, которые представляют определённый интерес не только для меня, но думается и для вас.

Прошу ответить на самый простой вопрос. Почему Угрюмов начал считать себя привокзальным бомжем? Заметьте, ни дворником, ни сварщиком, ни директором завода или начальником цеха. Я перечислил те самые профессии, с которыми пострадавший постоянно сталкивался в своей повседневной жизни. Он мог выбрать и более романтичные специальности, о которых, по крайней мере, можно и помечтать. Ну, там: космонавт, испытатель или, к примеру, разведчик. Но почему, именно, бомж? Ведь Угрюмов не имел, и не мог иметь ничего общего с подобными, антисоциальными элементами. Откуда такие подробные знания об их жизни?

– Как вы и сами недавно заметили, здесь всё просто и, опять же, до предела банально!.. – первым от комментария не удержался психиатр. – ...Перед получением травмы, пациент мог прочитать статью или книгу о жизни бездомных. В конце концов, он мог посмотреть фильм или, в том же пивном баре, куда заглянул после смены, услышать некий рассказ на данную тему, который глубоко врезался в его подсознание...

– Признаться, я предвидел подобный ответ!.. – улыбнулся капитан. – ...Предположим, что так оно и было. В таком случае, объясните мне следующее. Каким образом Угрюмов, ещё утром, при нашей первой с ним встрече, спокойно мог назвать имена реально существующих привокзальных бродяг? Как он мог описывать, якобы, вымышленные события, которые происходили с ним в действительности?

– То есть, как? – главврач поправил очки и с интересом приготовился выслушать пояснения.

– Сегодня я был на железнодорожном вокзале. Общался с доброй дюжиной этих самых опустившихся типов. Благо, у дежурного наряда нынче плановая проверка и мне отловили с десяток наиболее колоритных представителей данной социальной группы. Я видел их, я с ними общался. Похоже, от меня до сих пор пахнет помойкой. После тех бесед я и пришёл к однозначному выводу. Абсолютно всё, о чём говорил мне утром потерпевший, являются такой же реальностью, как вы или я. Правда, имеется и кое-какая загвоздка... Бродяги, опрошенные мной и подтвердившие показания Угрюмова, так и не смогли опознать последнего по фотографии. Чертовщина какая-то получается. Он знает о них всё, а они не имеют о его существовании ни малейшего представления.

На сей раз, троица в белых халатах предпочла отмолчаться. Они смотрели на Орлова в некоторой растерянности и недоумении.

– Понять ваше желание: из ничего сотворить сенсацию, конечно можно!.. – выдержав паузу, произнёс Сергей Михайлович, лечащий врач Угрюмова. По возрасту он был чуть старше капитана. Потому и мог запросто разобраться в возможных устремлениях своего ровесника. – ...Однако нам хотелось бы узнать о тех, якобы, схожих показаниях поподробней и поконкретней. О чём, вообще, можно говорить с бомжами? Сколько денатурата они выпили вчера, или какое количество пустых бутылок они подобрали уже сегодня?

– Понятно!.. – вновь, кивнул головой Орлов. – ...Вы мне не верите! В таком случае, я попрошу вас поучаствовать в простейшем следственном эксперименте.

– И в чём же будет его суть? – проявил заинтересованность психиатр.

Дмитрий выставил на стол целлофановый пакет, внутри которого просматривались кое-какие предметы.

– Здесь собраны некоторые вещи, временно изъятые у привокзального отребья. Данные вещдоки пронумерованы. Тогда как предыстория каждого из них выписана на отдельном листе.

– Как я понимаю, вы собираетесь предъявить их пациенту? – опережая события, предположил психиатр.

– Совершенно верно!.. – согласился Орлов – ...Надеюсь, потерпевшему будет, что рассказать. Ну, а мы лишь сверим полученные ответы с «правильными».

– Коллеги, а мне по душе столь оригинальная задумка!.. – удовлетворённо кивнул головой главврач. – ...Не будем откладывать предстоящий «экзамен» в дальний ящик. Я более чем уверен, этими самыми предметами мы и загоним нашего пациента и мнимого бродягу, в весьма затруднительное положение. Вот тогда, всё и встанет на свои места. Бомжи будут жить своей жизнью, а слесарь-универсал Угрюмов узнает свою супругу. В свою очередь, капитан милиции, забыв о какой-либо мистике, спокойно вернётся к своим преступникам.

Когда в палату Угрюмова вошла представительная делегация из четырёх мужчин в белых халатах, дремавший Василий Иванович открыл глаза и, опёршись на руку, попытался встать.

– Не надо, не надо! Лежите спокойно, как и лежали! – строго предупредил пациента Сергей Михайлович.

Тем временем, капитан Орлов подошёл к тумбе, стоявшей у кровати потерпевшего и вывалил на неё содержимое того самого целлофанового пакета. Тотчас по палате пронёсся омерзительный приторно-затхлый запах.

– Василий Иванович, я попрошу вас внимательно посмотреть на эти предметы!.. – начал свой эксперимент Дмитрий. – ...Скажите, знакомо ли вам что-то?

Угрюмов вытянул шею, обозревая поверхность тумбы.

– Что, не верите? Проверку решили устроить?.. – в свою очередь, ухмыльнулся пациент. – ...Так и быть, смотрите!.. Вот эта зажигалка Плешивого. Она не рабочая. Тем не менее, Плешивый никогда с ней не расстаётся. Говорит, дескать, память о южном курорте. Якобы, эту самую зажигалку подарил ему сам Маресьев, легендарный лётчик.

Врачи, пробежавшись по рукописному листу Орлова, в изумлении, переглянулись. А Угрюмов, как ни в чем, ни бывало, продолжал рыться в хламе. Он с интересом перебирал предметы, к которым обычный человек и вовсе бы не приблизился. В противном случае, его (имеется в виду нормального человека), уж точно, стошнило.

– Эта табличка когда-то висела над ресторанной помойкой. Пока её не оторвали и не унесли на пустырь. Ха!.. Вязаная шапка Беспалого. Вот ведь, сука... Извиняюсь. В общем, не хороший он мужик, этот Беспалый. Перочинный нож Старика. Интересно, каким-таким образом вы его умыкнули. У Старика он привязан к верёвке и спрятан где-то под одеждой...

Постепенно Василий Иванович рассказал о каждой вещи, добытой капитаном на вокзале. И каждый раз, он попадал в точку. То есть, его пояснения полностью соответствовали записям, представленным Орловым...

– Не может быть!.. – округлив глаза, воскликнул Сергей Михайлович, когда мужчины вновь вернулись в кабинет главврача – ...Это, что ж получается? Человек прожил две параллельные жизни? Фантастика!

– Не спешите, с громкими выводами!.. – остудил его пыл, более опытный в «душевных делах», психиатр. – ...Ещё в палате, глядя на больного, в мою голову вдруг пришла интересная мысль. А что, если мы имеем дело с людьми-двойниками?

Граждане, схожие как по фигуре, по лицу и даже по голосу, крайне редко, но всё же иногда встречаются. Вот и подумалось мне: а почему, собственно, привокзальный бомж не может быть, как две капли воды, похожим на слесаря Угрюмова?.. Капитан, ты, кажется, сам говорил о том, что прошлой ночью, супруга потерпевшего подняла на уши всю городскую милицию. Дабы успокоить жёнушку, дежурный наряд подобрал у железнодорожного полотна, более и менее, похожего бродягу. А мы ломаем сейчас головы!..

– Я могу привести с десятков аргументов в противовес вашей версии! – ответил Орлов, посвятивший данному делу весь текущий день.

– Попробуй! – с вызовом усмехнулся специалист в области психиатрии.

– Во-первых, наш подопечный знает не только подзаборную жизнь. До определённого момента... Точнее было бы сказать, до аварии девятилетней давности. В общем, вряд ли кто-то станет отрицать тот факт, что Василий Иванович прекрасно помнит свою прежнюю семейную жизнь, когда он ещё был слесарем Угрюмовым. А эти знания, боюсь, не могут быть доступны ни одному из возможных двойников. Во-вторых, в пиджаке потерпевшего были обнаружены документы: пропуск и водительское удостоверение на имя Угрюмова. Чего так же не могло быть у человека, даже очень похожего на Угрюмова–настоящего.

– Уважаемей!.. – главврач нейрохирургии вдруг обратился к чересчур дотошному Дмитрию с некоторым вызовом. – ...Не кажется ли вам, что разбираться с документами и двойниками, это уже ваша прямая компетенция? Мы, конечно, благодарны вам за очень нужную и полезную информацию. Однако сейчас нам необходимо продолжить врачебный консилиум, прерванный вашим визитом. Мы и без того, уделили вам более часа своего личного времени, вместо обещанных пяти-семи минут.

– И действительно! Что-то я, подзадержался!.. – правильно поняв ненавязчивый намёк, капитан направился к выходу. Уже на пороге кабинета он оглянулся и с нескрываемой досадой добавил. – ...Беспокоить вас я более не стану. Поскольку дело, фактически закрыто. Однако мне чертовски интересен этот, совсем неординарный случай. Потому, и хотелось бы мне напоследок, задать потерпевшему ещё пару вопросов.

– Мне кажется, вы уже достаточно пообщались с пациентом!.. – отчасти с раздражением заметил главврач. – ...Извините, но больному требуется полноценный отдых.

Покидая медицинское учреждение, какой-либо обиды или злости капитан вовсе не испытывал. Орлов прекрасно понимал врачей, не каждому будет приятно, когда в его профессиональные «территории» влезает посторонний, да ещё и со своими глупыми советами. В душе Дмитрия осталась лишь небольшая досада за то, что он, так и не успев расспросить Угрюмова о некоей Синюге, неоднократно упомянутой Василием Ивановичем в утренней беседе. Кстати, об этом персонаже привокзальные бичи, как и о самом Угрюмове, так же ни разу не слышали.

«Эх, Синюга-Синюга!.. Что-то упорно подсказывает, что ты обязательно должна мне помочь, именно ты и должна приоткрыть завесу некоей тайны!.. Но где тебя теперь искать? И, вообще, кто ты такая полумифическая Синюга?..»

* * *

Она проснулась рано. Примерно за час до ненавистной и раздражающей трели будильника.

Не сказать, чтобы работа кассира железнодорожных касс ей вовсе не нравилась. Просто, до долгожданного отпуска и, соответственно, до поездки к морю, оставалось всего-навсего две рабочие смены. А кому скажите в охотку вставать в шесть утра, когда всеми мыслями ты уже далеко, на солнечном и тёплом черноморском побережье.

Именно так. Каждое лето она, со всей своей семьёй, отправлялась в Сочи. Благо билеты для работников железной дороги, как и для её мужа, инвалида – всё ещё оставались льготными (фактически бесплатными).

Спору нет, с каждым новым курортным сезоном, поездки на юг становились всё более и более затратными и отчасти весьма обременительными. Мало того, что стремительный рост цен значительно опережал всевозможные добавки и надбавки к зарплатам и пенсиям, так ещё и муж, сволочь этакая, сразу после сокращения с предприятия, ударился в тихое бытовое пьянство, периодически переходящее в длительные и беспробудные запои.

В последнее время, обеспечением достатка семьи уж полностью легло на женские плечи. Гроши, получаемые супругом в виде пособия, им же самим успешно пропивались. Мало кто знал, каких трудов и усилий стоило ей, хрупкой женщине, одевать, обувать и полностью содержать фактически троих иждивенцев (мужа и двоих детей). А сколько нервов ушло у Раисы Максимовны на то, чтобы пристроить сына-оболтуса в институт, тем самым избежав призыва на срочную службу. Однако и эти истраченные нервы, как и финансы, изъятые из семейного бюджета, не шли ни в какие сравнения с тем невероятным числом попыток, которые она предпринимала по избавлению мужа от пагубного пристрастия к алкоголю. Рая использовала любой, подвернувшийся под руку шанс: от старушек-шептуний до профессоров наркологических диспансеров. Причём, прекращать эти попытки она вовсе не собиралась.

«Какой ни какой, а всё ж таки муж!..» – в сердцах твердила Рая, оправдывая перед подругами своё долготерпение.

Спать почему-то совсем не хотелось. Женщина лежала на спине с открытыми глазами, прислушиваясь к сопению своего «благоверного». Эх, и как же он был ей нынче ненавистен, после вчерашнего очередного загула. Однако думала ныне женщина, вовсе не о нём. Она вспоминала, только что приснившийся сон.

Причём, были те сновидения, весьма и весьма поучительны. По крайней мере, ей так казалось.

Привиделись Раисе Максимовне её мужики: сын и супруг. И главное, оба предстали перед ней, почему-то погибшими... Виктор, её муж, якобы, был убит уже давно, когда она сама, будучи молоденькой девушкой, только-только родила Андрея. Ну, а сына её, того самого Андрюшку, убили уже в эти дни. Причём, на той же самой заставе, что и отца.

«Не иначе как, к долгой жизни!.. – оптимистично предположила Чернышева. После чего, трижды сплюнула. – ...И всё же, какой умницей я была, когда заранее «отмазала» сына от этой чёртовой службы! Именно из-за неё, из-за этой самой армии, я чуть было, не лишилась Виктора. Не хватало, чтоб ещё и мой Андрей вернулся оттуда, таким же перекалеченным, как и муж. Или того хуже!.. Тьфу, тьфу, тьфу... Не дай-то Бог, ещё при жизни узнать о смерти сына!»

А ещё Раисе Максимовне приснилось... Даже стыдно вспоминать, не то, что б кому рассказать. Будто она, потеряв в молодости мужа, превратилась в привокзальную потаскуху.

«Да, уж!.. С такой-то жизнью, не мудрено и на вокзале оказаться, с обратной стороны кассовых окон!..» – усмехнулась про себя Чернышева.

Уж с чем-чем, а с чувством юмора, при любых жизненных условиях и самых тяжёлых обстоятельствах, у Раисы Максимовны непременно было всё в порядке.

Ещё раз потянувшись, дама решила-таки встать и отправиться в душ. Уж больно ночь была нынче жаркой и чрезвычайно душной.

Чайник на плите только-только закипел, а Рая уже успела навести на своём лице косметический «марафет». Суется на кухне, она старалась меньше шуметь и греметь посудой, дабы не разбудить домочадцев. Пусть дети подольше поспят, ведь у них каникулы.

Отпивая мелкими глотками горячий чай, женщина вдруг вспомнила о том, что кроме сына и мужа, в своих недавних сновидениях она видела и ещё одного человека. Кто знает: быть

может, именно поэтому и проснулась она нынче в приподнятом настроении. Однако восстановить в своей памяти те приятные мгновения, она так и не успела. В спальне неожиданно скрипнула кровать, и тотчас из коридора послышался стук костыля. Это проснулся Виктор.

– Чего соскочил ни свет, ни заря? – небрежно бросила Рая, увидев в кухонном дверном проёме опухшее и небритое лицо мужа.

– Проводить хотел!.. – пробурчал тот.

– Не уж-то? Интересно, с каких таких пор, мы вдруг стали столь заботливыми?.. – саркастично усмехнулась женщина. Поставив чашку на стол, она добавила. – ...Насколько я помню, вчера ты был готов меня убить, если я не дам тебе червонец!

– Ладно тебе, Райка! Нашла, что вспомнить. Товарища вчера встретил, вот и выпили.

– Этих друзей, ты каждый день встречаешь. У тебя ж, кто наливает, тот и друг.

– Прекрати. Разве ж я виноват в том, что я инвалид? По этой самой причине меня и на работу брать не хотят. Ты, Райка, не забывай... Я, между прочим, свою ногу за Родину отдал!

– И где она теперь, твоя Родина?.. – вскипела Раиса Максимовна. – ...Что же не кормит она тебя? Почему, не даёт десятку на опохмел? Отчего же её герой, отнимает у матери двух детей последние деньги?.. А на работу тебя не берут вовсе не из-за ноги. Уже трижды тебя пристраивала сторожем, и каждый раз тебя увольняли за пьянку!.. – выплеснув наболевшее, женщина вдруг взяла себя в руки. – ...В общем, так Виктор!.. Вчера Лариска, моя напарница, вернулась из отпуска. Рассказывает, будто бы в Адлер приехал известный нарколог. Между прочим, ученик самого Довженко! Приём там ведёт. За своё лечение, берёт не слишком много. Так что, готовься. Десять дней до сеанса, пить нельзя. Потому и смотри!.. Хоть каплю в рот сегодня возьмишь, пеняй на себя.

И запомни: это будет твой самый последний шанс. Сорвёшься, выгоню на хрен из дома. Будешь жить там, где наливают! У своих собутыльников!..

Витя, ведь я не много от тебя не требую. Вернёшься из Сочи трезвенником, устроишься на работу. Ну, там, сторожем или вахтёром. Хоть какая-то прибавка в семейный бюджет.

– Раечка!.. Голубушка ты моя!.. Гадом буду, на всё согласен!.. Вот только, родная моя!.. Давай-ка, отсчёт десяти предстоящим дней мы начнём с завтрашнего дня!.. Разве не видишь, как меня трясёт и колотит после вчерашнего? Христом Богом прошу, дай мелочи на опохмелку! Вот увидишь: вечером я буду, как огурчик!

– Нет!.. – безапелляционно рявкнула супруга. – ...С меня хватит! Ты пойми, мне перед соседями и детьми стыдно! Иду мимо них, и не знаю, куда глаза свои прятать!

– Если не дашь денег, я никуда тебя не пущу! – пригрозил Витька, заслонив собой кухонную дверь.

– Да пошёл, ты!.. – грубо оттолкнув мужа, Рая вышла в коридор. – ...Свою силу, ты уж давно пропил. Ох, Витька-Витька, и как же ты опустился! А ведь когда-то был видным парнем. И хрен с ним, что на одной ноге... Вспомни, какие грандиозные планы ты строил... У тебя были и цели, и реальные перспективы! Именно тогда, ты и был для меня настоящим героем!.. – открыв дверь, женщина обернулась к помятому и погрузневшему мужу. – ...В общем так! Сиди дома и никуда не рыпайся! Не хочу пугать, но если что-то узнаю, ты мне более не муж!..

Когда-то Виктор и в самом деле был весёлым и неунывающим парнем, душой любой компании. Высок, строен, симпатичен. В общем, Рая влюбилась... Влюбилась по уши и доверила любимому человеку самое сокровенное.

Это уже после, когда Витьку забрали в армию, она поняла, что беременна. В одном из писем спросила его: что делать? Вернее, она знала, что будет делать. Не сомневалась ни секунды: будет рожать. С ним или без него... А у Виктора спросила, потому что так полагалось. Ведь имел же он право знать. Первым же письмом Чернышев ответил: вернусь, сразу пойдём в ЗАГС...

Виктор вернулся. Вернулся без ноги. Они расписались и стали жить вместе. Он по-прежнему был хорошим, она ценила его чувство юмора, его умение быть ласковым и страстным. При этом Рая вдруг поняла, что чувства, которые она испытывала к Виктору – вовсе не любовь. Однажды она прочла: «Не быть любимым – это всего лишь неудача. Не любить – вот несчастье».

Нет, Рая не пыталась развестись с Виктором и начать новую жизнь. Ей было жаль супруга-инвалида. Она не могла так жестоко с ним поступить. Рая лишь позволяла себе мечтать. Мечтать о мифическом принце на белом коне, за которым хоть на край света; с которым и рай в шалаше. Вот его-то, этого самого принца, она бы полюбила самой настоящей неземной любовью.

Тут-то и появился ОН. В отличие от мужа, ставшего нерешительным и каким-то неуверенным в себе мужичком, вечно смотрящим ей в глаза с немым вопросом: я опять сделал, что-то не так? Юрка ни в чём не сомневался...

Оказавшись на улице, Рая вновь позволила своим мыслям вернуться к ночным сновидениям.

«Итак, я видела во сне Юрку!.. Моего дорогого Юрочку. Как сейчас помню тот день, когда увидела его впервые. Когда-то он частенько заглядывал в наш дом. Поначалу Юра просто навещал Витьку, своего бывшего сослуживца. Они проходили службу на одной и той же заставе. Юрка подбадривал своего бывшего сослуживца, помогал ему с трудоустройством. Быть может, Юрочка испытывал нечто схожее с комплексом вины, ведь в том бою, когда муж потерял ногу, они были вместе... Правда, один из них вышел из того боя целым и невредимым, а второй израненным калекой. Потом Юрик приходил уже к нам двоим, вытаскивал нас в кино и на набережную. Ну, а позже «визит к другу», превратился в некий предлог. На самом деле, Юрочка хотел чаще видеть меня.

Ох, и как же нравился мне этот парнишка. Высок, симпатичен, остроумен. Умел скоро находить выход из любой ситуации. В общем: смел, хваток и предприимчив. И на что мне только не приходилось идти, как только не старалась я скрыть свои чувства и своё неровное к нему дыхание... Да разве ж такое скроешь. Юра замечал, ловил любой намёк и отвечал мне тайной взаимностью. То цветочек мне потихоньку подарит, то флакончик с дорогими духами. На какой-нибудь из вечеринок, бывало, возьмёт и пригласит меня на танец. Да так прижмёт к себе, что я, в буквальном смысле, млела.

А однажды, под хмельком, Юрка и вовсе обнаглел.

«Ведь мы любим друг друга!.. – шептал он мне на ухо. – ...Так зачем насильно заглушать свои чувства? Витьку, конечно, жаль. Но тут ничего не поделаешь, мужик он не глупый, должен понять. Увезу я тебя на край света, подальше от завистливых глаз и будь, что будет!..»

Однако Рая, как порядочная супруга (пусть, и скрипя сердцем), всё же ему отказала. Семья и здравый смысл перевесили её страсть и сиюминутные желания.

«Нет, мой принц ещё не пришёл! Он всё ещё ищет меня. Потому и не стоит мне спешить!..» – оправдывала свой отказ Рая.

Впрочем, после... О том своём скоропалительном ответе, она весьма и весьма сожалела. Особенно тогда, когда Виктор «променял» её на «зелёного змея». А может и променял-то он её, именно из-за того, что догадывался: кому на самом деле принадлежало сердце супруги.

С той самой поры, когда Юрка получил от ворот поворот, след его в доме Чернышевых простыл. Он исчез, так и не попрощавшись. И, похоже, пропал навсегда. Мечты, так и остались мечтами. Разве что, тот мифический принц, уже представлялся Рае исключительно в образе Юрия.

С исчезновением Юрки Громова, как будто бы все вернулось на круги своя. Работа, дом, дети, муж. У каждого свой характер, свои проблемы, свои решения. Правда, в последнее время,

в голове Раи всё чаще и чаще начинали зарождаться опасные мысли с полукриминальным оттенком, по поводу своего непутёвого супруга.

«Уж лучше б он погиб тогда, на границе!.. Юра-Юра, и зачем ты только спасал его?.. Ташил на себе до заставы. Эх, и где ты сейчас, мой дорогой друг и тайный воздыхатель? Как живётся тебе без меня?.. – спрашивала Рая, уже, будучи в малолюдном утреннем здании вокзала. А после, обращаясь уже к самой себе, с некоторым укором добавила. – ... Что за мысли? Эх, до чего ж я порочная баба?.. Ну, чем не привокзальная шлюха из моего недавнего ночного видения?..»

* * *

Наверняка, многим известны те неповторимые, щемящие душу чувства, которые непременно испытывает человек, возвращаясь в места, где когда-то прошла его юность, то есть, самые лучшие годы жизни. Наверно поэтому Юрий Александрович Громов проснулся в это душное летнее утро необыкновенно счастливым. Наконец-то он вернулся в родной Омск. В город своей молодости, первой любви и безумных поступков.

Открыв глаза, Юрий увидел рядом с собой, задержавшуюся с ночи голую девку.

– Пошла отсюда!.. – Громов брезгливо столкнул проститутку с кровати. Эта грязная особа мешала ему думать о чём-то светлом, приятном, жизнеутверждающем.

Вновь развалившись на мягких подушках богато убранного гостиничного номера люкс, Юрий Александрович с упоением припомнил, чего он сумел добиться за последние годы, а так же о том, что мог он ныне себе позволить.

«А ведь когда-то был простым слесарюгой!.. На работу и с работы ходил по заводскому гудку. Каждый день, и в стужу, и в мороз... В ливень и в зной – знай себе, топай в этот грёбаный цех, к ненавистному станку. И ведь никто, так ни разу и не поинтересовался: дескать, есть ли у тебя, Юрок, желание идти туда?..»

Негативное отношение к пролетарскому труду, основанном на железной дисциплине и плано-авральной обязательке, он впитал с той самой минуты, когда отчим впервые привёл Юрку к заводской проходной. Много воды утекло с тех мрачных времён. Словно палочка-выручалочка, Юрию Александровичу, успевшему отслужить в армии и наработать приличный трудовой стаж, явилась начавшаяся в середине восьмидесятых горбачёвская Перестройка. Толком, не осознавая в какое время ему суждено будет жить, Громов осторожно фарцевал на барахолке. Немного осмелев, попробовал смотаться «челноком» в Польшу. Ну, а когда появились первые шальные деньжата, погнался за «длинным рублём» в более цивилизованные капиталистические страны.

Зачем он вернулся в город своего детства и юности, объяснить внятно даже самому себе, Громов вовсе не мог. Возможно, то была очередная ностальгическая волна, накрывшая с головой его одинокую, забугорную жизнь. Ведь там, на чужбине, новыми друзьями он так и не обзавёлся. Так, случайные знакомцы, соседи по барной стойке. Тогда как в Омске у него осталась куча, дорогих его сердцу друзей-товарищей. Потому, очевидно, и хотелось Юрию блеснуть. Спустя пять лет, предстать перед приятелями во всей своей нынешней красе. А быть может, Громов вовремя смекнул, что именно здесь, в полуразрушенной Империи, во времена дикого разграбления народных недр, как в сказочной Стране дураков, из семян начального капитала обязательно взрастут денежные леса и рощи.

Так или иначе, но вчерашним поздним вечером Юрий Александрович прибыл на землю своей малой Родины. Сходу, закатив грандиозный банкет (по сути, с первыми встречными земляками), он и встретил новый день в этом шикарном и совсем недешёвом номере.

«Вот, кажется, и сбывлась мечта идиота!.. По нынешним российским меркам... Имею в виду, повальную российскую нищету, я просто сказочно богат! Потому и не терпеться мне,

встретить кого-то из своих прежних друзей, подруг и родственников. Пусть они дико обзавидуются, пусть трепещут перед моими деньгами и лоском!

Расступись толпа, нынче пришло моё время, время Юрки Громова!»

При этом было вовсе не важно, что там, за кордоном, в цивилизованной Италии, наш герой-миллионер не вылизал из униформы мусорщика, не чурался любого грязного приработка. Собирая цент за центом, он сэкономил абсолютно на всём. Кто здесь об этом знает? Главное было в том, что накопленного там капитала (как ему самому тогда казалось) хватит на две российские жизни.

Перекусив в ресторане и поправив своё здоровье холодным шампанским, сытый и приободрённый Громов, примерно в полдень вышел на солнечную улицу.

Взглянув на синее и безоблачное небо, он втянул в себя тёплый и родной омский воздух. После чего, Юрий Александрович направился было, в сторону той самой, неказистой заводской проходной, дабы объявить своим бывшим сослуживцам о возвращении их блудного товарища.

Однако не успел Громов сделать и пары шагов, как кто-то сзади, грубо толкнул Юрия в плечо. К тому же, этот самый наглец, пробегая мимо Громова, ещё и наступил тому на итальянский туфель, вычищенный до блеска.

Юрий Александрович попытался ухватить хама за руку, да не успел. Курсант-танкист уже запрыгнул в отходивший от остановки автобус. Сплюнув обиду, Громов достал из кармана белоснежный платок, обтёр обувь и, забыв об инциденте, двинулся дальше.

«Добро пожаловать, в Советский Союз!» – по пути усмехнулся возвращенец.

* * *

Скажу вам честно: многое потеряли те, кому ни разу в жизни не приходилось учиться в военном училище.

Ведь это далеко не институт и, уж тем более, не школа, где учащихся ежедневно связывают лишь пять-шесть часов учебного процесса, да короткие встречи вне стен общеобразовательных учреждений, в свободное от занятий время.

Военное училище – абсолютно иное. Это свой, закрытый от посторонних мир. Вы только представьте: несколько сотен (вовсе не последних в физическом развитии) молодых людей, на протяжении пяти лет вынуждены уживаться бок обок, под одной крышей.

Соперничество между возмужавшими юнцами здесь ведётся круглые сутки, причём везде, где, только это возможно. В учебных аудиториях, спортплощадках, в курилках и даже, вне стен училищных корпусов. Подспудно, оно присутствует и в иных сферах жизнедеятельности курсанта: будь то, служба, учёба, неформальное общение, безнаказанное нарушение военной дисциплины, либо в негласном споре за самую стройную и симпатичную девушку, ожидавшую военнослужащего за воротами училища.

Александр Угрюмов, курсант третьего курса, будущий офицер бронетанковых войск, отличник боевой и политической подготовки, хорошо преуспевал во всех вышеозначенных «дисциплинах». Вот только его «самая красивая», оказалась для Угрюмова, не столько предметом гордости, сколько Сашкиной «бедой» и его же «головной болью».

Познакомиться с приглянувшейся на дискотеке девчонкой, особого труда Александру не составило. Однако это оказалось лишь половиной дела. Гораздо сложнее было расположить Дашу к себе. Стать для неё, по-настоящему единственным мужчиной.

«Ну, как можно удержать девушку возле себя?.. – спрашивал себя влюблённый курсант. – ...Когда между нами высоченный училищный забор, а частые полигонные сборы и вовсе отдаляют меня от Дашеньки на невероятные расстояния!...»

Положа руку на сердце, были они с Дашей абсолютно разными. Она, студентка пединститута, дама своенравная и капризная, любительница всевозможных тусовок. Он, обязательный, живущий по строгому армейскому распорядку парень. Девичья легкомысленность, в противовес серьёзному мужскому отношению: как к выбранной профессии, так и к своему будущему. И, тем не менее, вместо того чтобы навсегда забыть о ней, не взирая ни на что, Сашка продолжал и продолжал «биться» за Дарью. Упорно соединяя, казалось бы, вовсе несовместимое.

Не сказать, чтоб девушка уж совсем не отвечала парню взаимностью или недостаточно уделяла ему своего внимания. Вот только время, которое Даша проводила без Александра, увы, почти всегда заполнялось кем-то... Как говорится; мир не без «добрых людей». Хотя, для данного случая, пожалуй, лучшей будет иная поговорка: о том, что шило в мешке не утаишь. Отголоски многочисленных и неприятных слухов, а так же всевозможных сплетен, связанных с подругой Угрюмова, иногда долетали и до самого Сашки. Воспринимались они курсантом чрезвычайно остро и болезненно. А, находясь при этом ещё и в гарнизонной изоляции, он и вовсе впадал в дикую ярость и бешенство.

«Парень, ты бы поберёг свои нервы!.. Брось ты эту взбалмошную стерву!..» – в один голос советовали друзья, наблюдавшие за метаниями товарища.

Однако, вместо того, чтоб адекватно и жёстко реагировать на слухи и советы сослуживцев, Сашка вновь и вновь мчался к своей Дашечке, каждый раз пытаясь доказать, что более терпимого и преданного парня ей вовсе не сыскать. Умом Санька понимал, что делает глупость, а вот сердцем... Потому как разум сердцу не советчик. Оно не думает, оно чувствует.

Ну, а вчера, во время полевых учений, курсант Угрюмов случайно узнал о том, что в ближайшие выходные его любимая и единственная Дашуня, в компании друзей и подруг, собирается выехать с ночёвкой на природу. Реакция его была молниеносной. Используя заранее подготовленные хитрости, Сашка уговорил-таки командира перевести его в город по, якобы, служебной необходимости.

Уже сегодня, с самого утра он принялся названивать на домашний телефон Дарьи. Так ни разу и не получив долгожданного ответа, Саня перемахнул через училищный забор... По разумению Угрюмова: наказание за самоволку, не шло ни в какое сравнение с возможной потерей любимой.

Оказавшись на «воле», беглому курсанту требовалось быстро добраться до дома. Дабы, переодевшись в «гражданку» (то есть, в безопасную от патруля одежду), отправиться на поиски своей Дашуни.

Сегодня Александру явно «фартило». Училище он покинул тихо и незаметно. На остановку общественного транспорта Сашка вышел опять же удачно. Автобус с необходимым ему маршрутом, подошёл, как никогда кстати. Правда, бросившись к этому самому автобусу, курсант чуть было, не сшиб какого-то принарядившегося франта. При этом он, кажется, ещё и отдал ему бедолаге ногу. Ничего тут не поделаешь, не надо было стоять на пути беглого военнослужащего. Хотел извиниться, да не успел – водитель автобуса ждёт кого-либо персонально вовсе не собирався.

– Сашка?.. Ты, что ли? – услышав в коридоре посторонние звуки, выкрикнула с кухни мать курсанта.

– Да, мам! Я ненадолго!

– Разве ученья ваши уже закончились?

– Нет. Просто я, на пару часов отпросился! – соврал «самовольщик», спешно переодеваясь в своей комнате.

– Сынок. А у нас неприятности!.. – Людмила Васильевна заглянула к сыну. – ...Папа в больнице, с травмой головы! Врачи говорят, что он частично потерял память!

– Что с ним случилось?

– Никто не знает. Его нашли сегодняшним утром, в бессознательном состоянии.

– Почему не сообщили мне сразу? – поинтересовался Александр, поправляя на джинсах ремень.

– Не хотела тебя беспокоить. Ведь ты сам говорил о том, что у вас серьёзные ученья.

– Мама, ты извини!.. Сейчас я очень спешу. Вот вернусь, тогда и поговорим! – уже с порога выкрикнул юноша.

Не сказать, чтоб сообщение о несчастном случае, напрямую связанном с отцом, вовсе не растрогало или каким-то иным способом не коснулось Александра. Просто в данную минуту, он думал совсем об ином.

«Жаль, что мать не позвонила в училище!.. Глядишь, и бежать бы мне вовсе не пришлось. И отца я бы успел навестить в больнице. Да и с Дашей проблем было б куда меньше. Ведь я даже и не знаю: где её сейчас искать!..»

* * *

В этот яркий и солнечный день, на одной из многочисленных скамеек городского парка культуры и отдыха расположились две дамы, лет двадцати. Они вели меж собой милую и непри-
нуждённую беседу. По крайней мере, именно так, это выглядело со стороны.

Ну, а в действительности, на дворе стояла дикая жара, солнце беспощадно припекало. В такой зной, не спасала и тень деревьев. Потому как полуденному солнцепёку сопутствовала душная и безветренная погода, вовсе не располагавшая к какому-либо фривольному время-
препровождению. Да, и разговор двух девушек, о которых ранее шла речь, был вовсе не милым. Барышни о чём-то спорили. Причём, спорили чисто по-женски, то есть, категорично и беском-
промиссно.

– Дашка, какая же ты, всё-таки бестолочь!.. – раздражённо заметила одна из барышень. – ...За тобой такой парень бегаёт!.. Серьёзный, красивый, влюблён в тебя по уши. Опять же, будущий офицер. А ты меняешь его на какого-то придурка.

– Сама ты, Наталья, дура!.. – в том же неприязненном тоне огрызнулась подруга. – ... Никуда этот самый Саша, от меня не денется. Да, и офицером он станет лишь через три года. Опять же, если ещё станет. Что ж ты прикажешь? Всё это время в монашках ходить? Запомни главное: красота не вечна, и наша молодость вовсе не безгранична. Мне погулять ещё хочется. Может, и встречу я кого получше. Да и побогаче!..

– Например, Андрея! – ухмыльнулась Наталья.

– А чем, собственно, Чернышев тебе не по вкусу? Между прочим, он тоже студент. Будущий инженер, если хочешь. Он высок, симпатичен, дерзок и за словом в карман не полезет. Да и по морде, если потребуется, запросто врежет. И за меня, и за себя сумеет постоять.

– Вот именно, что «по морде»!.. Смазлив и язык, как помело – вот и все его достоинства. А на самом деле, бездельник, балабол и весьма ограниченная личность. И ещё... Умоляю тебя. Какой из Андрея, к чёрту, инженер? Если бы его мамаша не работала в железнодорожных кассах, не имела бы «блат», то и института у него никакого бы не было. Трудился бы твой Андрюша, как и его папаша, инвалид и конченный алкоголик, где-нибудь на заводе. Или, того хуже, служил бы он сейчас рядовым солдафоном в каком-нибудь Таджикистане. Вот у Сашки!.. Тут и упрекнуть нечем. Семья благополучная. Мать учительница, отец бригадир. Да и сам Угрюмов надёжен и самостоятелен.

– Подруга, хорош меня сватать!.. – в категоричной форме ответила Дарья. – ...Сказала: хочу погулять, потому и поеду сегодня за город. Оттянусь, развеюсь и возможно, получу кое-что. В отличие от мямли Шурика... Чернышев, уж точно, не станет рассусоливать, он сразу возьмёт «быка за рога»!

– Точнее было бы сказать: тёлку за вымя!.. – съязвила Наталья. Однако вовремя сообразив, что слегка «перегнула палку», она немедленно поспешила исправиться. – ...Эх, Дашка-Дашка! Мне бы твои «данные». Уж я бы, давно замуж выскочила. Кстати, вот и он, лёгок на помине!.. – Наталья кивнула в сторону троих парней. – ...Беги! Встречай своего «быка»!

– Привет, девчата!.. – приблизившись к лавочке, Андрей заговорил первым. – ...Дашуня, ты, как всегда, выглядишь бесподобно! Ну, и тебе, Натаха, так же, не хворать. Всё скалишься?..

– Да, пошёл ты!.. – оскорбившись, бросила Наталья.

– Натаха, с нами на природу поедешь?.. – Чернышев и не думал оставлять в покое чересчур раздражённую даму. – ...Поехали! Шашлычок, пиво, водка, фрукты, закат, речка, палатка!.. Одним словом, романтика! Мальчика тебе подберём. Такого же, как и ты сама, тоскливого и скабрёзного. Вместе с ним будете косточки наши перемывать.

– Сказала ведь. От-ва-ли! – грозно зыркнула на парня Наташа.

– Андрей, прекрати донимать мою подругу! Едет она с нами, едет!.. Успокойся!.. – вступилась за Наталью Даша. – ...Ну?.. Где и когда вас ждать?

– Дашуня, понимаешь!.. Тут такое дело... В общем, вышла одна неувязочка!.. – нехотя заговорил Чернышев. – ...Обломали нас с машиной! Хочешь – не хочешь, а до общего места сбора придётся добираться на пригородной электричке!..

– Ну?.. – ухмыльнулась Наталья. – ...Ведь я предупреждала тебя, Дарья, о том, что он не более чем пустобрёх!.. А ведь как сладко пел: мол, поедем на крутых тачках!.. Отдохнём в полном комфорте!.. Заранее уверена, что и водка у него будет «палёная»; пиво просроченным; шашлыки из тухлого мяса! А палатки (если они, вообще, будут) окажутся рваными и дырявыми!

– Заткнись, кляча!.. – в глазах Андрея сверкнул огонёк животной агрессии и слепой ярости.

– Что ж!.. На электричке, так на электричке!.. Я согласна!.. – скорее, назло подруге, нежели в её спасение кивнула головой Даша. – ...Только сумки помогут нам донести!..

К слову сказать: Даша вовсе не тешила себя надеждой на то, что подготовка и сам выезд на природу будут абсолютно гладкими, как планировалось в начале. А если честно, ей было всё равно: как и на чём они будут выбираться из города. Главное, чтоб это случилось, как можно скорее. Ей безумно хотелось остаться с Андреем наедине. Неизвестно почему, но она трепетала перед этим «самцом», ярким представителем мужской особи. Его нарочитая наглость и агрессивность подспудно пробуждали в ней дикие фантазии. Сейчас он казался ей героем любимого мексиканского сериала, таким беззаботным «мачо», которому до фонаря политические катаклизмы и мировые проблемы. Он, словно животное, жил лишь нынешним днём и именно тем, что окружало его в данную минуту. Андрей умел получать удовольствие от реального мира, не «заморачиваясь» на абстрактном, эфемерном, недоступном. С ним, в Дашиных представлениях, должно быть легко и просто.

А ещё, Дарья прекрасно осознавала, что этот самый «мачо» абсолютно не предназначен для долгих взаимоотношений и, уж тем более, для семейной жизни. Потому и не тешила себя иллюзиями, не строила на счёт Андрея каких-либо долгосрочных планов. Он должен был стать всего лишь глотком свежего воздуха в загазованной городской атмосфере. Весёлым и увлекательным приключением. Коротким и долгожданным отпуском в череде однообразных рабочих будней...

* * *

Юрий Александрович медленно шёл по знакомым с детства улицам. Он наслаждался размеренным и спокойным ритмом сибирского городка; отсутствием излишней суеты, так прису-

щей крупным европейским мегаполисам. Казалось, Громов созерцал сейчас записанный в юности кинофильм – правда, запущенный в слегка замедленном формате.

За время его отсутствия, город определённо изменился. Причём, в самую лучшую сторону. Там, где в памяти Юрия Александровича ещё ютились ветхие и отжившие свой век хибары, сейчас возводились «навороченные» современные здания. Вот только грязь, мусор и пыль, в изобилии поднимавшаяся вверх при любом дуновении ветерка, по-прежнему резали глаз. Тот самый глаз, который успел привыкнуть к западной чистоте и благоустройству.

А вот, и та самая аллея, ведущая к заводской проходной. Именно по ней Громов ежедневно следовал когда-то на работу. По ней он и возвращался домой. Юрию Александровичу даже показалось, будто бы те времена минули совсем-совсем недавно, буквально вчера.

Громов остановился в каких-то пятидесяти метрах от ворот проходной и с некоторым подозрением глянул на свои наручные часы.

Дело в том, что по прежнему заводскому графику, в этот самый час должна была заканчиваться первая смена. Лет пять назад, то есть, в рабочую бытность Юрия Александровича, данная аллея была полна людьми. Прилежавшие к проходной территории напоминали муравейник. Той привычной картины Громов нынче вовсе не наблюдал.

«Возможно, пришёл рано!.. – предположил Юрий. – ...Или наоборот: поздно! Потому как не может, столь огромный заводиче, просто так простаивать посреди рабочей недели!..»

– Ещё как, может! – словно услышав мысль Громова, ответил ему, проходивший мимо дедок.

Лицо того старичка, как будто бы, показалось Юрию Александровичу знакомым.

– Из тринадцатого? – поинтересовался Громов, подразумевая номер цеха.

– Ага!.. – ответил дед. – ...Да только «тринадцатый» уж два месяца, как закрыт!.. Паскудные демократы всю страну разворовали, да распродали, а деньги пропили. Военный заказ с предприятия сняли, потому и собираем мы нынче всякую, никому не нужную хрень. Причём, их двухсот прежних цехов, задействовано лишь пять-шесть.

– Наши ребята ещё трудятся? Как-никак, а слесари-универсалы! Таких не сократят, это ж самый ценный генофонд предприятия!

– Под словом «наши», ты кого, мил человек, имел в виду?.. – прищурившись, собеседник взгляделся в лицо Юрия. – ...Что-то не признаю я тебя.

– Громов я, из бригады Угрюмова!.. Ну, Прокопенко, Тишку, Вовку Андреева знаешь? – Юрий Александрович назвал первые, пришедшие в голову имена из своей прошлой, многочисленной бригады.

– Этих-то знаю! Твои универсалы сточную канаву нынче чистили!.. Обожди малость, скоро выйдут. В раздевалке недавно их видел.

И действительно, минут через пять, на крыльце проходной появились знакомые Громову лица.

– Ребята, кого я вижу?!.. – зычно объявил один из бывших коллег Громова, первым заметивший Юрия. – ...Не иначе, как нашего «иностранца» из загранич турнули?!.. И Юрок уж готов упасть нам в ноги, дабы его вновь приняли в родную бригаду!

– Нет-нет! Только не на завод!.. – улыбаясь, ответил Громов. Его не забыли. – ...Погостить приехал! Соскучился я, понимаешь, по вашим наглым рожам!

– Делов-то! Вот мы, все перед тобой! Созерцай, сколь хочешь!

– А ещё лучше, наливай! – выкрикнул ещё кто-то.

– Да, без проблем!.. – в том же полушутливом тоне ответил Юрка. – ...Что пить будем?

– Коль угощаешь, можно пивка попить!

– Да, ну его, твоё пиво!.. Пиво без водки, деньги на ветер!..

– После столь долгого отсутствия, мог бы и коньячком угостить! – наперебой загалдели работяги...

Бывшие члены бригады предпочли отметить возвращение Громова, в своё излюбленное место, в старой привокзальной забегаловке, успешно пережившей эпоху антиалкогольной компании. Бывшая «Закусочная» нынче гордо именовалась «Пивным баром». Именно здесь, на протяжении последних десяти – пятнадцати лет бригада Угрюмова обычно отмечала дни рождения, какие-то юбилеи и прочие знаменательные даты. Ранее бывал тут и Юрий Александрович.

В отличие от прежних времён, когда Громов вёл себя предельно сдержанно, на сей раз Юрий Александрович весьма шумно демонстрировал преимущества буржуазного строя над социалистическим. Причём, делал он это, чисто по-русски: от всей души и на всю катушку. Коньяк, водка и прочие алкогольные напитки – текли нынче рекой. А буфетчица не успевала подносить к их столику, имевшиеся в наличии дорогие закуски. Сам же Юрий Александрович, уже слегка подвыпивший, без перерыва рассказывал друзьям, о том «райском уголке», из которого он только что вырвался. Мужички слушали возвращенца, раскрыв от восторга рты.

– А ведь я сразу предлагал вам пойти в ресторан!.. – возмутился не на шутку раздурившийся Громов. – ...Притащили меня, понимаешь, в этот засаленный и засранный гадюшник с общепитовскими вилками и ложками!.. Вы что ж, считаете, у меня денег нет? Да я, если пожелаю, то полгорода могу скупить!

– Юрка, ты пойми!.. Нам здесь привычней!.. – ответил один из слесарей. – ...Забыл, что ли?.. Как сам заглядывал сюда после смены? Да и одеты мы вовсе не для приличных заведений!

– Ерунда! Ради такого случая, всех вас, с головы до ног, передел бы в «цивильное». Кстати, а где Угрюмов?.. – неожиданно поинтересовался Громов. – ...Почему я не вижу своего наставника?

– Так он, это!.. В больницу попал. Посидел вчера с нами, вот за этим же самым столиком, а утром его нашли с пробитой башкой. Мент сегодня приходил, всё расспрашивал: когда и с кем ушёл наш «бугор».

– Не мешало бы его навестить! – задумчиво, словно что-то припоминая, произнёс Юрий.

– К Угрюмову лучше не соваться...

– Эт ещё почему? Он, что?.. Так плох?.. – удивился Громов.

– Не в этом дело. Говорят, что от удара по голове у Василия Ивановича «крыша» съехала. Представляешь: жену свою в больнице не узнал!..

– А я-то всё думаю, с каких таких щей, мне вдруг Вася нынче приснился. Будто бы ругался со мной. Матом на меня орал. А, за что осерчал, вовсе не помню. Обязательно к нему съезжу. Вот посижу с вами ещё не много, и двинусь. Пусть только попробует меня не узнать. Подскажи, в которую больницу его определили?

– За зря прокатишься!.. Без специального пропуска к нему не пустят!

Громов уже прилично опьянел. Достав из кармана пачку сто долларовых купюр, он развернул её веером перед изумлёнными лицами заводских ребят.

– Ну? И чем эти бумажки не пропуск?..

* * *

– О, Андрюха! Ты чего вернулся?.. – в прихожей Чернышева встретила его младшая сестра, Светка. – ...Никак выезд на природу отменился!

– Вещи-то я должен забрать!.. – огрызнулся Андрей, пояснив причину своего внезапного возвращения. – ...Да, и палатку из гаража необходимо прихватить. Отец, кстати, дома?

– Нет! Ещё с обеда куда-то упилил!

– Эх, сеструха!.. Выходит, плакала твоя поездка на юг. Я слышал, как мать, собираясь утром на работу, предупредила батю... Дескать, если тот нажрётся, то никуда вы не поедете! – злорадно рассмеялся Андрей.

– Серьёзно? – растерянно переспросила Света.

– Говорю тебе: сам слышал!

– А может он, по делам ушёл? Почему сразу «нажрётся»?

– Светка, тебе уже семнадцать, а ты по-прежнему размышляешь, как пятилетняя наивная девочка! Ты сама подумай, какие у отца могут быть дела? После того, как выперли его с завода, тяжелее гранёного стакана он в руках ничего не держал!

– Слушай, Андрюшка!.. А ты куда сейчас? – придумала что-то Светка.

– Я же сказал: в гараж за палаткой!

– А потом?

– К цирку поеду. Оттуда на вокзал...

– Андрюшка, будь другом, пройдишь по району! Если увидишь отца, загони его домой. Мать вернётся поздно. Глядишь, к её возвращению он уже и проспится.

– Ладно!.. – усмехнулся в ответ Андрей. – ...Эх, и чего только не сделаешь для любимой сестры. Только бы поехала она в Сочи, да встретилась там с симпатичным мальчиком. Ведь ты, насколько я понимаю, именно для этого и намылилась на курорт?

– Иди ты!.. – смущённо отвела Светка.

– Нет! Ты точно, наивная!.. Если всерьёз считаешь, будто бы принца на белом коне можно найти где угодно, но только не в своём городе...

Как ни странно, но Андрей всё-таки встретился со своим блудным отцом. Да и куда, собственно, он ещё мог «доковылять» на своём протезе, если не в гаражный блок, к друзьям-автомобилистам.

Невзирая на то, что старенький «Запорожец» с ручным управлением, уж лет пять, как ржавел в гараже, так ни разу и, не покинув его пределов, глава семейства Чернышевых таскался сюда с регулярным постоянством. Здесь, в гаражах, среди водителей ему было гораздо интересней, нежели дома, у телевизора. В гаражном кооперативе он был востребован как механик, как специалист не плохо разбирающийся в «движках» и прочих мудрёных узлах различных механизмов. И только тут, он ощущал себя по-настоящему нужным, отчасти востребованным.

Гаражники – это вам не отдел кадров. Им не нужны медицинские справки и всевозможные дипломы. Они согласны и на инвалида, только бы тот соображал в автомобильном «железе». Ну, а расчёт за выполненную работу, как правило, производился в натуральном, то есть, литровом, либо пол-литровом эквиваленте. Потому и тянуло сюда Виктора, словно невидимым магнитом.

Завидев в кругу мужиков-автомобилистов уже поддатого папашу, Чернышев-младший укоризненно покачал головой.

– Отец, ты чего творишь?.. На счёт пьянки, по-моему, ты был сегодня строго настроено предупреждён!..

– Сынок, не смей хамить батьке. Смотри, выпорю! – чуть заплетающимся голосом ответил ему Чернышев-старший.

«До талова, вроде бы, ещё не успел наклюкаться!.. Значит, ситуация для Светки не совсем уж безнадежна!..» – предположил Андрей. Потому и собрался он немедленно увести отца домой.

– Пойдём, папа!.. Мать будет ругаться!.. Света плакать!.. – выбрав более мягкий тон, парень попытался приподнять отца с занимаемого им места.

– Убери руки! – рявкнул на сына Виктор.

В данной ситуации, более всего, Чернышеву-старшему было неловко перед мужиками. Ведь его, будто последнего алкаша (причём, в самый разгар праздника) собирались выпроводить из-за стола, дабы тот не разбуянился. И кто? Его же собственный сын. Родная кровь. Наследник. На глазах у всей честной компании.

– Паренёк, ты бы оставил отца в покое! – за Виктора вдруг вступился один из мужчин, сидевших вокруг импровизированного «дежурного» столика с несколькими бутылками алкоголя и небольшой закуской. Причём был он, явно не из местных. По крайней мере, Андрей видел его впервые. А, кроме того, этот дядька выделялся из общей гаражной братии чем-то иным.

Автолюбители, как правило, щеголяли в гаражном кооперативе в замасленных, рабочих спецовках. На этом же незнакомце был приличный и очевидно, очень дорогой «прикид». И костюм, и рубаха, и туфли, и часы – всё было крутое. Будто бы тот, совсем недавно сбежал из иностранного посольства.

Мужчина, принятый Андреем за дипломата, приблизился к Чернышеву-младшему.

– Вымахал-то как, крестник!.. – совсем уж по-отечески, обратился он к Андрею. – ...Коль не узнал, придётся нам знакомиться заново. Зовут меня: Юрием Александровичем. С твоим батяней мы вместе служили на границе. Последний раз виделись лет восемь назад. Ты тогда, ещё совсем «мелким» был. А тут, представь, мы случайно встретились...

Мне сегодня вообще везёт на неожиданные встречи. Только, понимаешь, с ребятами из своей бывшей бригады, в баре распрощался, и вот те на... Столкнулся нос к носу со своим бывшим сослуживцем. Ты, Андрюха, за мамку свою не переживай. Будь уверен, увидев меня, она простит отцу любой загул. Пойдём лучше к нашему столу, отметим встречу. Ну, или знакомство.

– Спасибо, не пью! – отказался Чернышев-младший. При этом он припомнил, как в детстве, его родители частенько говорили о каком-то Юрии, их общем знакомом. И даже припомнил его фамилию: кажется, Громов.

– Юрка, отстань от пацана!.. – вмешался в диалог Виктор. – ...Какой, на хрен, «выпьём»? Андрюха спортсмен, по разным городам на соревнования ездит. У него режим – не курит и не пьёт. Видал, какой здоровяк! Ни то, что я...

– Чернышев, ты б не прибеднялся!.. – усмехнулся в ответ Громов. – ...Крепче и выносливее тебя, на нашей заставе никого не было.

– Вы знаете?.. А я, пожалуй, нарушу свой режим!.. – неожиданно для всех, произнёс Андрей. – ...От чего же не выпить за приезд отцовского друга?

– Ну вот! Совсем другое дело!.. – засуетился Юрий Александрович. – ...Все мы когда-то были спортсменами. У всех был режим. Тем не менее, каждый из нас находил возможность для снятия, накопившегося напряжения. Алкоголь в малых дозах, всегда на пользу. Давай-ка, сынок, я тебе «Мартини» налью.

– Юрка, ты с ума сошёл!.. – Виктор выхватил из рук Громова бутылку. – ...Он ведь ещё совсем пацан!

– Какой, на хрен, «пацан»?.. – вновь усмехнулся Юрий Александрович. – ...Открой глаза, папаня! Парень уж давно мужиком стал! Ты, Виктор, не забывай о том, что мы в его годы, приняли бой с вооружённой бандой!.. Кстати, именно тогда ты и ногу свою потерял.

– Отец, если мы немедленно не уйдём, я останусь здесь и буду пить наравне со всеми! – пригрозил Виктору сын.

Ему показалось, что способ по возвращению родителя домой, уже найден. Однако «друг семьи» оказался более хитроумен.

– Андрюшка! Ты, конечно, можешь остаться!.. И быть здесь, сколь угодно долго!.. – в диалог отца с сыном вмешался всё тот же Громов. – ...Да, только мы с твоим батей, сейчас уезжаем!..

– Куда? – Чернышев-младший и предположить не мог подобного развития событий.

– Понимаешь, Андрей?.. Один очень хороший человек попал прошлой ночью в больницу! Мне просто необходимо его навестить. Ну, а отец твой, составит мне компанию. Уж поверь, нам есть, что вспомнить и о чём поговорить по дороге. За Витьку можешь не переживать. Доставлю его домой, в положенный срок, в полном порядке. Да, и мамку вашу, мне не терпится увидеть. Интересно, какой она теперь стала?

Честно сказать, Виктор (вне меньшей степени, чем и его сын) был так же удивлён известием о предстоящей поездке. Ни о чём подобном они с Юркой ранее не договаривались. Однако и отказываться от небольшого путешествия Витька вовсе не собирался. Быть может, его армейский друг, хоть чем-то поспособствует в трудоустройстве. Возьмёт, да и пристроит инвалида к какому-либо приличному делу.

– Поступайте, как знаете! – махнув рукой, Андрей поспешил восвояси. Отцовский товарищ почему-то вселял в него определённое доверие.

«Авось, так и будет, как он сказал!.. – размышлял по пути Чернышев-младший. – ...В конце концов, меня ждёт поездка за город и чертовски привлекательная девчонка!.. Какое мне дело до родительских разногласий?..»

* * *

– Сашка?.. – несколько оторопев, произнесла девушка, открывшая дверь и увидевшая на пороге своей квартиры Угрюмова. – ...Ну, проходи, коль пришёл!..

– Привет, Наталья!.. Извини, но я лишь на пару минут. Даша, случаем, не у тебя?

– Нет. Кажется, она собиралась поехать в институт!.. Учебники в библиотеку сдать! – не решаясь открыть правду, соврала Наташа.

– Какая к чёрту библиотека, в половине восьмого вечера?.. – усмехнулся Александр. – ...Наташка, не крути. Я уже в курсе того, что Дарья собралась поехать за город.

– Саня, хоть Даша мне и подруга!.. Тем не менее, скажи: зачем тебе нужна такая взбалмошная и непостоянная девчонка? Ведь ты хороший парень. Я знаю её с самого детства, потому и уверена в том, что перевоспитывать её уже поздно, да и вряд ли возможно! Пока Дарья перебесится, угомонится – уйдут годы!.. Твои, Саша, годы. А вместе с ними, твои нервы и твои же седые волосы! Не обижайся и не подумай чего дурного, но мне кажется: она тебя не достойна.

Дослушав откровения собеседницы, Угрюмов улыбнулся и повторил свой вопрос.

– И всё же, где Даша?

– Учти, что я тебя предупредила, а дальше!.. В общем, поступай, как знаешь. Сегодня она уезжает, на одной из вечерних электричек в компании парней и девчат. В какое время, и в каком направлении, мне неизвестно. Ну, доволен?

– А ты, почему ни с ними? Сама ж говорила: вы с ней подруги!

– Были подруги!.. – уточнила девушка. – ...До сегодняшнего вечера. Да и нет у меня желания любоваться природой с комарами и прочей кровососущей-насекомой тварью. Впрочем, и не только с кровососущей, а ещё и с тварью, имеющей привычку лапать тебя за ляжки, своими потными ручищами!.. И вообще, «непоймикакиеконпании», явно не в моём вкусе.

– И на том спасибо! – откланявшись, Александр пошёл по подъездным ступенькам вниз...

«Вот и Наталья туда же!.. Дескать, Дашка стерва!.. – по дороге к железнодорожному вокзалу, беглому курсанту Угрюмову вдруг припомнилось недавнее предупреждение. – ...А чего ж ты хотел? Какой ещё, кроме как не стервой, может быть красивая, стройная и знающая себе цену девушка? Это с девчонками, наподобие той же Натальи, всё может быть намного проще. Им известны их недостатки. Потому и держатся они, по сути, за первого, обратившего на них

своё внимание, парня. А за такими как Дарья, ещё со времён средневековья, во славу первой леди рыцари уходили в походы, совершали подвиги и участвовали в кровопролитных турнирах. Чем серьёзней испытание, тем и победа обещает быть более ценной, более значимой!..»

Справедливости ради стоит отметить, что сам Александр был весьма и весьма азартным молодым человеком. Причём участвуя во всевозможных спортивных или около спортивных состязаниях, он практически, всегда выходил из них победителем. Проигрывать и уж тем более отказываться от борьбы, было вовсе не в его характере. Вот и сейчас, отправляясь на железнодорожный вокзал в поисках любимой, его настойчивость подпитывал азарт, спортивный дух и стремление к победе.

По вечерам на Омском железнодорожном вокзале практически всегда многолюдно. Обезжав перрон пригородных электропоездов, два этажа главного корпуса и примыкающие к нему подсобные помещения, Сашка так и не нашёл ту, ради которой он, собственно, сюда и прибыл, ради которой ушёл в «самоволку». Всё ещё утешая себя надеждой на то, что Даша ещё не успела уехать; что её электричка отбывает несколько позже, он занял свой «наблюдательный пост» у центрального выхода. Именно отсюда просматривались практически все подходы к вокзалу. Полагаясь на своё зрение и внимание, он принялся ждать...

* * *

Из врачей, в больничном отделении нейрохирургии, к позднему вечеру остался лишь дежурный, Сергей Михайлович Попов. Тот самый врач, что ещё утром «выпроводил» из палаты Угрюмова, его супругу.

Завершив свой обычный вечерний обход, Сергей Михайлович заглянул в палату Василия Ивановича. Оставил он его «на закуску» вовсе не случайно. Недуг данного пациента был действительно весьма уникален, потому и чрезвычайно интересен, как с научной, так и с медицинской точки зрения.

Нечто подобное, когда память человека, прожившего большую часть отпущенного ему века, в какой-то момент давала сбой и по каким-то неизвестным причинам, вдруг опускала своего владельца на низший социальный уровень, конечно же, случалось. Кое-какие темы по данному вопросу были подробно описаны в мировой медицинской литературе. Однако воочию, Сергей Михайлович столкнулся с подобным диагнозом, пожалуй, впервые.

«Интересно, какие механизмы, какие внутренние связки должны быть нарушены, чтоб человеческий мозг сумел выдать на-гора этакую метаморфозу?.. – разум врача отказывался это понять и принять. – ...А ведь, если верить научным работам, подобное могло произойти с любым человеком, в том числе и со мной. Впрочем... Это просто бред. Какая-то дикая фантастика!.. – размышлял Сергей Михайлович, приближаясь к палате Угрюмова. – ...Не представляю, как можно забыть всё, чем я ныне живу. Забыть мединститут и студенческие годы; клинику; свою должность или профессию. В конце концов, забыть любимую женщину. При этом ни с того, ни с сего, вдруг вспомнить совершенно неизвестную мне жизнь с помоями, обедами и люками теплотрасс...

Искренне надеясь на то, что именно сейчас – то есть, без посторонних, в спокойной и располагающей беседе – он наконец-то сможет подробно расспросить Василия Ивановича о его нынешних мироощущениях и, возможно, о каких-либо внутренних противоречиях. Возможно, он поведаст ему о неких внутренних терзаниях, каких-то душевных противоречиях.

Именно с этими самыми мыслями врач и открыл дверь заветной палаты.

Насколько Сергей Михайлович был переполнен ныне оптимизмом и определённой надеждой... Ровно настолько же, через какое-то мгновение, он оказался и растерян. Дело в том, что больничная койка Угрюмова оказалась абсолютно пуста.

Внимательно осмотрев безлюдное помещение, врач выскочил из палаты, заглянул в уборную и, преодолев быстрым шагом длинный коридор, строго обратился к сидевшей за невысокой стойкой дежурной медсестре.

– Кто покидал больничное отделение в ближайшие полчаса?

– Некто не покидал!.. – испугавшись сурового лица Сергея Михайловича, тихо ответила растерявшаяся девушка. После чего, извиняющимся голосом добавила. – ...Вообще-то, я отлучалась в ординаторскую, минут на пять!.. Чай заварить!

Случилось непредвиденное – «необычный» больной исчез.

Тем временем, Василий Иванович благополучно миновав все медицинские и охранные посты, беспрепятственно вышел на открытый воздух. Ну, не лежала его душа к этому странному, если не сказать жестче: весьма подозрительному учреждению. В сознании Угрюмова стойко закрепилось ощущение, будто бы он, словно подопытный кролик, вовлечён в некий дикий и изощренный эксперимент.

Вы сами попробуйте поставить себя, на место Василия Ивановича. Представьте, что на протяжении всего дня в вашу палату приходят какие-то подозрительные типы и задают вам idiotские вопросы. Причём все они настойчиво пытаются убедить вас в несуществующих фактах; нарочито навязывая вам совершенно чужую жизнь. В палату вдруг пропускают женщину, искусно загримированную под вашу покойную супругу. А после, ещё и пугают милицией. ... Ко всему прочему, вам колют какие-то непонятные лекарства и в изобилии пичкают сомнительными таблетками. Ну, и самое главное, вы лежите в отдельной палате, словно министр или, на крайний случай, директор завода. Подобные факты, по разумению Угрюмова, могли говорить лишь об одном – данный эксперимент пытаются сохранить в строжайшей тайне. Потому и вовлекают в вышеозначенные опыты минимальное количество случайных свидетелей.

Подозрения Василия Ивановича постепенно переросли во всепоглощающий страх.

Не поддавшись на разного рода провокации, Василию Ивановичу вдруг начало казаться, будто бы его, как отработанный материал, как результат неудачного эксперимента, обязательно должны умертвить. Причём, в самую ближайшую ночь. Иначе, по какой иной причине, в течение нынешнего дня весь медицинский персонал был с ним нарочито вежлив и слащаво-обходителен; тогда как к вечеру, о нём будто бы и вовсе забыли.

«Наверняка готовят яд или ещё какую-то хрень. Со мной, конечно же, проще. Бомжа никто не хватится. Никто не станет его разыскивать. «Вкатят» в вену быстродействующий препарат, а после сожгут в крематории. Вот и нет Васи Угрюмова!.. Нет, и никогда не было. Кто это? Мы впервые о нём слышим!..»

Добравшись до ближайшей мусорной площадки, Василий Иваныч привычно покопался в одном из баков. Быстро откопав в груде дерьма, довольно-таки сносную одежонку, да пару хлебных огрызков, тут же у бака, Угрюмов скинул с себя полосатую, стиранную-перестиранную больничную пижаму, снял с головы бинты и переоделся в найденные «обновки».

Угрюмов спешил. Не поспей он на последний автобус или троллейбус, его пешая прогулка в сторону железнодорожного вокзала обещала быть чересчур долгой. Потому Василий Иванович и прибавил шагу, двигаясь в сторону остановки общественного транспорта.

Это там, недалеко от вокзала у Василия Ивановича имелся небольшой тайник, куда он прятал зимнюю одежду и некоторый запас пропитания. В том же тайнике его поджидала припасённая на чёрный день «четвертушка» самогона. И этот самый день, для Угрюмова, похоже, уже наступил.

«Подумаешь, башка разбита!.. Мне и без того, её регулярно разбивают: если не менты, то кто-то из своих, из бродяг!.. И ничего, пока что жив!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.